

ЕЛЕНА ГОРДЕЕВА

СЕКЛЕТЕЯ

ТОМ 1

Елена Гордеева

Секлетя

«Автор»

2022

Гордеева Е.

Секлетя / Е. Гордеева — «Автор», 2022

Роман охватывает целую эпоху истории нашей страны, воплощенную в судьбах нескольких поколений. Это семейная сага о людях, которые теряли близких, работу и положение в обществе, но неизменной оставалась сила их духа. Это роман о любви, пронесенной через всю жизнь и о смелости идти к своим мечтам несмотря ни на что. В романе описана семья профессора, ее жизнь в советскую эпоху и судьбы членов семьи в 90-е годы. Описаны события "Ленинградского дела", жизнь спецпереселенцев в Тюменской области, Москва и Петербург 1960 – 1970 годов, жизнь в прибалтийских республиках в 1980-х годах, Олимпиада 80, научные конференции советского времени, путешествие в Германскую демократическую республику в 1984 году, перестройка и становление капитализма в России, противостояние в Белом доме 1993 года, а также финансовый кризис 1998 года.

© Гордеева Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог : Москва 2000 год	5
Часть 1: Литва	16
1960-е годы, Тюменская область	16
1967 год, Ханты-Мансийск	20
Ленинград, Саратов 1930 – 1950 годы	23
Москва 1967 – 1973 годы	29
Москва, Ленинград 1974 год	34
Ленинград, 1950 год	36
Москва, 1975 год	39
Москва, Литва 1975 – 1977 годы	41
Москва, 1978 год	44
Москва 1978 год (продолжение)	47
Москва, ноябрь 1978 года	51
Москва, январь 1979 года	53
Москва, лето 1979 года	55
Москва 1979 – 1980 годы	58
Москва, Олимпиада 80	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Елена Гордеева

Секлетея

Пролог : Москва 2000 год

Андрей Никитин вернулся домой пораньше – к половине седьмого. Жена не ждала его и принялась спешно подогревать суп. Андрей ел машинально и вежливо говорил ей дежурные фразы: «Как ты сегодня, дорогая?», «Очень вкусный суп, любимая». Ответного щебета он не разбирал. Новости, которые он услышал в полдень в редакции, ошеломили его. Главный сказал, что с высокой вероятностью завтра в гостинице «Балчуг» состоится слияние двух аптечных гигантов – «Витафармы» и «Полимеда» и что он – Андрей – командирован редакцией на пресс-конференцию, после которой будет грандиозный банкет. Сам Главный в очередной раз был в завязке и старался не искушать судьбу, которая берегла его от алкоголя уже практически месяц.

– А кто будет от «Витафармы»? Там вообще кто-то остался после смерти Виталия Красицкого? – спросил Андрей.

– А от «Витафармы» будет сестра Красицкого Секлетея – этот айсберг в океане. Я познакомился с ней незадолго до смерти Виталия. За вечер она сказала мне слов пять или шесть, а на мою болтливую Лёку смотрела свысока и на ее вопросы почти не отвечала – разговаривала только с братом и на деловые темы. Она у него была кем-то между бухгалтером и переводчиком. Не знаю, как она может управлять «Витафармой». Надоело ей это, наверное, вот и затеяла слияние, – сказал Главный и протянул Андрею пригласительный билет.

Андрей взглянул на приглашение на роскошной глянцево-бумажной бумаге и подумал: «Узнаю почерк «Полимеда» – они всегда пускают пыль в глаза. И «Балчуг Кемпински» – это тоже их выбор. Секлетея – какое редкое имя, может быть, это она!? Да нет, навряд ли».

После таких новостей Андрей решил поехать домой и хорошенько выспаться. Утром еще нужно заглянуть в барбершоп к его верному цирюльнику Никите, который был отличным барбером, а его салон на Патриарших сиял, благоухал и всем интерьером подчеркивал элитный уровень клиентуры. Андрей относил себя к интеллектуальной элите и любил придавать своему облику продуманную элегантную небрежность. Одна из его подруг как-то сказала, что он похож на викинга: высокий, сильный, белокожий, светловолосый и голубоглазый. Ему это понравилось, и он решил отрастить бороду, которая оказалась коричневой с бронзовым отливом. Он стал одеваться в стиле casual: в джинсы, вельветовые брюки, майки, свитера и фланелевые рубашки. На официальные мероприятия он надевал строгие и элегантные костюмы с обязательной белой рубашкой и галстуком или шейным платком в зависимости от уровня официоза.

Андрей лежал в постели и не мог заснуть. Он вспомнил о единственной ночи с ней, и сердце бешено заколотилось. Он старался не думать про утро, когда она была другой – молчаливой и печальной. С холодной улыбкой она предложила ему завтрак. И его удивил изысканно сервированный стол: белая крахмаленная скатерть, мельхиоровые приборы¹, фарфоровые тарелки, подставки, серебряный кофейник и молочник. Она мало говорила, вежливо улыбалась, и ему на мгновение показалось, что они на дипломатическом приеме. Она поблагодарила его, поцеловала и сказала, что обязательно позвонит. Он привык, что все его подруги звонили и не просто звонили, а обрывали телефон. Андрей снисходительно ждал, потом стал звонить

---

¹ Столовые приборы из сплава, который похож на серебро.

сам, но телефон не отвечал. Больше он ее не видел. И вот теперь интуиция ему подсказывала, что завтра это будет она. Но у нее другая фамилия. Может быть, она вышла замуж?

Утром он проснулся рано и по дороге в парикмахерскую любовался восходом солнца, вдыхал холодный осенний московский воздух и думал о том, что в то утро семь лет назад была такая же погода. Он прошел Патриаршие пруды, потому что забыл о парикмахерской, и последовал по Малой Бронной к Тверскому бульвару. Ему вдруг захотелось просто постоять у ее дома. На Большой Никитской, или, как он ее называл, улице Герцена, он повернул в Брюсов переулок и боковым зрением увидел ее окна. Не останавливаясь, он направился в храм Воскресения, где как раз шла утренняя служба. Ставя свечу к иконе Казанской Божьей матери – а он больше всего любил именно эту икону – он представил ее такой, какой она была в ту единственную ночь. Она вся светилась так, что ему в какой-то момент показалось, что светает, но до рассвета было далеко. В спальню то и дело приходил ее кот, который ревниво мяукал. Кот был разноцветным, пушистым и толстым, и Андрей подумал, что таким может быть только Кот Бегемот².

«Увидеть ее еще раз и забыть, если она не узнает его», – подумал Андрей и вдруг встрепенулся, вспомнив, что все женщины без ума от него и что ему пора в барбершоп на Патриарших, чтобы вечером быть привлекательным. А потом домой одеваться и к 16 часам в «Балчуг» на мероприятие. А потом будь что будет...

Вероника Субботина тоже планировала появиться в «Балчуге». Она мысленно пересмотрела свой гардероб и выбрала строгое черное платье. «Нужно соответствовать мероприятию», – подумала она и вспомнила о других вечеринках, которые она проводила с известным плейбоем Виталием Красицким в лучших клубах Санкт-Петербурга. Целый год они жили как муж и жена гражданским браком. Виталий был влюблен: он просто боготворил ее и ни в чем ей не отказывал. Вероника уже присматривала свадебное платье и обсуждала с подружками церемонию: она хотела необычную эксклюзивную свадьбу. А потом появилась она.

Вероника ненавидела Секлетею и никогда не верила, что та была сестрой Виталия. «Ну какая это сестра, откуда она взялась, ведь говорили, что он подобрал ее прямо с улицы. И что он в ней нашел: она ведь серая мышь или нет – она крыса. Мерзкая крыса в очках, не накрашенная и с заостренной мордой – кому она может нравиться?» – с этими мыслями Вероника начала одеваться. Чтобы успокоиться, она стала повторять ободряющие психологические мантры: «Я самая обаятельная и привлекательная, я лучшая девушка Санкт-Петербурга. Я украшу любого мужчину, я достойна всего самого хорошего, я буду богата и знаменита».

Вероника никак не могла найти подходящие серьги и подумала о сапфировых сережках, которые подарил ей Виталий. Но в шкатулке для драгоценностей их не было, и она визгливо закричала: «Галя, где мои серьги? Ты не трогала мою шкатулку?!». Домработница Галя вздрогнула и подумала о том, что ее хозяйка опять не в лучшем расположении духа. Она схватила шкатулку и высыпала на туалетный столик ее содержимое: «Вероника Михайловна, посмотрите, пожалуйста, может быть, они здесь?»

Вероника вспомнила, что у нее еще есть бриллиантовые серьги и к черному платью лучше выбрать именно бриллианты. Но настроение было на нуле, и она продолжала: «Галя, сварите мне кофе». Выпив кофе, Вероника стала учить Галю, как правильно подавать кофе и сервировать стол. «Дайте мне коньяку! – не выдержав напряжения, прокричала она. – Боже, как я от всего устала. Галя, вы просто не можете работать в приличном доме, кто вас воспитывал?!» Галя молча перенесла истерику и подумала о том, чтобы дотерпеть до зарплаты и уйти от этой крашеной истеричной блондинки.

---

² Персонаж романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова.

Вероника ненавидела Секлетей, с появлением которой в ее жизни началась черная полоса. Виталий сначала где-то подобрал ее, потом привел в дом и стал проводить с ней и ее сыном все вечера и выходные. И потом стал слушаться ее во всем и почти забыл о ней – Веронике.

И вот теперь Виталия нет – он внезапно умер, и она стала хозяйкой – заняла место Вероники и рулит в «Витафарме», а ведь Вероника когда-то считала эту компанию уже своей.

«Какой из нее директор?! Мерзкая тупая уродина! Что она может?! Ничего! Она, наконец, поняла свой уровень и решила соединиться с «Полимедом». Хорошие деньги зарабатывает!» – вслух сказала Вероника, и ее несколько успокоило то, что сегодня она насладится унижением Секлетей. Она будет счастлива, увидев, как та потеряет компанию.

Михаил Грач – президент «Полимед» – обедал со своим адвокатом в «Ноевом ковчеге», который считался одним из лучших ресторанов Москвы. «Сегодня особый день», – подумал Михаил и заказал мясное ассорти. Обычно Михаил придерживался вегетарианской диеты и не пил алкоголя: так он следил за здоровьем и фигурой. Но сегодня можно и выпить и, конечно, *Courvoisier*: 12-летний коньяк был фирменным напитком «Ноева ковчег».

Адвокат Михаила Сергей Туров был тоже совсем не против выпить. Михаил был щедрым работодателем, и Сергей всегда был готов услужить ему. Сегодня Сергей должен выполнить важную миссию: обеспечить сопровождение подписания соглашения о слиянии «Витафармы» и «Полимед». Важно было проследить за тем, чтобы все листы соглашения были подписаны корректно, что будет означать полную легитимность документов.

Конечно, подать соглашение и перевернуть листы могла бы длинноногая красавица-секретарша «Полимед» – одна из них на выбор, но Михаил считал, что бизнес – это удел мужчин, а женщины созданы для другого. Про своих женщин Михаил говорил: «У них важная работа, они отвечают за мою личную жизнь». Количество ответственных женщин росло, и со временем у Михаила образовалось три официальных бывших жены и несколько любовниц, из которых он выделял молоденькую Юлию. Он подарил ей свой старый Кадиллак – большой джип, который, вероятно, ранее верно служил американскому фермеру. Ему особенно нравилось, как хрупкая Юлия водила эту огромную машину – почти автобус, и он любил, чтобы она, а не водитель, возила его на важные встречи. Если была назначена послеобеденная встреча, Михаил предпочитал, чтобы его покормила вторая любовница – личная секретарша, а затем Юлия приехала за ним, чтобы отвезти в центр Москвы на встречу. Он снисходительно говорил Юлии: «Спасибо, детка. Ты меня очень выручила. Поезжай, детка, пообедай где-нибудь с подругами. Меня заберет водитель». И щедро ей протягивал сто долларов на обед. Это было классно, и все Юлины подружки втайне завидовали ей и мечтали отбить Михаила.

Но, так как генеральным директором «Витафармы» после смерти брата стала Секлетей Красицкая, которой, по мнению Михаила, в бизнесе не место, он решил поручить все протокольные действия Сергею. «Пусть отрабатывает свою немереную зарплату, не хочу много женщин в такой день, хватит мне уже этой Секлетей, – подумал Михаил, вспомнив, как трудно ему было заполучить «Витафарму». – Если бы Виталий был жив, он бы никогда не согласился на слияние. Но завтра у моих ног, наконец, будут обе столицы». В предвкушении такой удачи у Михаила забилось сердце: успехи в бизнесе всегда вызывали в нем сильные ощущения победителя. Ничто больше не могло так взволновать его.

Михаил задумался о том, сколько ему это все стоило: «Но не в деньгах счастье, не в их количестве, а в той власти над людьми, которую дает владение крупным бизнесом. И завтра у меня будет суперкомпания со сверхприбылью и огромной властью. Осталось недолго», – он сделал еще несколько глотков коньяка и почувствовал приятное тепло.

Сергей заторопился:

– Михаил Юрьевич, вы можете добавить в «Балчуге»: там отличный бар. Мне нужно подготовиться, и еще я хочу накачать газетчиков.

– Нет, сегодня уже хватит, поехали. Ты звонил Игорю, они едут?

– Да, утром я с ним разговаривал. Секлетея только что вернулась из Ярославля: была на богомолье в женском монастыре.

– В каком монастыре?

– Точно не знаю, где-то недалеко от города. Она там всегда молится перед важными событиями. Ее привез охранник Виталия. У Игоря все под контролем, пожалуйста, не волнуйтесь.

Они вышли из ресторана и сели в машину Михаила – новенькую и навороченную семерку БМВ. За рулем был водитель, потому что Юлия со своим Кадиллаком для таких ответственных мероприятий не подходила.

Наталья Власова «Красной стрелой» ехала из Питера в Москву. Она всегда любила люкс и шик и сейчас уже могла себе это позволить: несколько лет она проработала начальником отдела «Витафармы». Год назад в составе «Красной стрелы» пустили люкс-вагон, в котором было 10 мест или 5 купе, каждое с собственным душем и туалетом. Все купе редко были заняты: как правило, в вагоне ехало несколько человек. Наталья мечтала прокатиться именно в этом вагоне: никакие СВ ее уже не радовали.

Она купила целое купе, приехала на вокзал незадолго до отправления поезда и оценивающим взглядом окинула двух отъезжающих бизнесменов. «Может быть, здесь познакомлюсь с приличным человеком», – подумала она и, как только отошел поезд, встала у окна в проходе. На вопрос проводницы, чем она может ей услужить, Наталья сказала, что хочет немного посмотреть в окно, а ей нравится дорога именно с этой стороны движения поезда. Проводница застелила ей постель, принесла ужин и ушла. И тут Наталья сообразила, что у этих мужчин тоже свой туалет и душ в купе и вряд ли они появятся до утра. Глубоко вздохнув, Наталья решила лечь и поспать. Диван был очень мягким, постельное белье – чистым и накрахмаленным, и Наталья, выпив бокал вина и закусив красной икрой, с наслаждением растянулась на нем.

Но сон никак не шел к ней. «Я семь лет работала у Виталия, он не мог без меня обходиться. Эта красивая дура Вероника была мне не соперница. И вдруг, как черт из табакерки, появилась его сестра Секлетея, провела аудит и обнаружила некоторые, как она сказала, нецелевые траты. Ну и что, все так делают: нужно же и на старость немного заработать».

Она вспомнила, как Виталий в начале календарного года не продлил ее контракт. Он не ругал ее, не просил вернуть деньги, а лишь сказал сухо: «Наталья Васильевна, разве я вам мало платил? Разве вы не получали ежегодные бонусы? Не понимаю, чего вам не хватало?»

«Да, Виталий, ты никогда не понимал, чего мне не хватало. Денег всегда мало, милый друг не дешев – просит и просит. А я так хотела любви. Кому я нужна без денег? – с грустью думала она. – Да, жаль, что я сейчас без работы, но ничего – Михаил Юрьевич обещал мне теплое местечко в «Полимеде», ведь ему очень скоро будут нужны свои люди в Питере. Может быть, и мой милый друг вернется?» И Наталья с грустью призналась себе, что уже год, как милый уехал якобы к маме и на ее звонки не отвечал.

«Но вчера вдруг позвонил как ни в чем не бывало и спросил, куда я пропала. Это я пропала?! Как все-таки быстро распространяются новости, – Наталья улыбнулась и продолжала мечтать. – Как только Михаил Юрьевич возглавит объединенную компанию, я ему буду очень нужна. С какой радостью я жду, когда он выкинет эту Секлетею на улицу. Вероника говорила, что Виталий подобрал ее на улице! Туда ей и дорога».

С этими радостными мыслями Наталья задремала и проспала до Москвы. Утром она проснулась злая на проводницу, потому что та разбудила ее поздно и она не успела почистить перышки и предстать перед двумя вагонными бизнесменами во всем своем блеске. «Ладно,

это проза жизни», – подумала она. У вагона ее ждал водитель такси, который прилагался к люксовому билету. Она решила остановиться там же, в «Балчуге».

Моисей Яковлевич Прудонский узнал о предстоящем слиянии «Витафармы» и «Полимеда» случайно от своей жены Фиры. А та узнала у Натальи Власовой, с которой, как она это называла, «приятельствовала». Моисей Яковлевич был уже не молод, и его трудно было чем-то удивить, но он очень огорчился: через год после смерти Виталия это был новый удар.

С Виталием его связывала многолетняя дружба: он преподавал ему химию еще в университете, в лихие девяностые они вместе начинали, вернее, начинал Виталий, а Моисей Яковлевич был у него советником. Виталий построил целую сеть аптек, а у Моисея Яковлевича была только одна, потому что он всегда боялся рисковать и расширяться. Несколько пожилых сотрудниц верой и правдой служили ему уже десять лет: не воровали, не обманывали и радовались тому, что Моисей Яковлевич давал им заработать в такое непростое время.

У него не было детей: его единственный сын погиб в автокатастрофе еще в 80-е, и сначала Виталий, а потом и Секлетея стали его семьей.

Раз в месяц он обязательно приглашал их на воскресный обед. Фира изумительно готовила: рыба фиш по-еврейски и селедка под шубой были ее коронными блюдами. «Разве в ресторане так приготовят», – говаривал Моисей Яковлевич и с обожанием смотрел на Фиру. После обеда они с Виталием обсуждали бизнес. Секлетея играла на старинном рояле. Все они были очень счастливы.

Моисей Яковлевич частенько брал на реализацию у Виталия лекарства, косметику, новомодные БАДы и травы. Это было так удобно, потому что он платил Виталию только после продажи. И так они жили – не тужили, как вдруг, как гром среди ясного неба, Виталий заболел и скоропостижно скончался.

Моисей Яковлевич ходил весь потерянный и никого не хотел видеть. Воскресные обеды прекратились: Секлетея была занята в «Витафарме» и больше не приходила. Изредка она ему звонила, справлялась о здоровье его и Фиры, а на Рождество привезла подарок – швейцарские часы с кукушкой и коровий колокольчик. Моисей Яковлевич очень обрадовался: он давно мечтал о таких часах, а колокольчик повесил на кухонной двери – его торжественный звон раздавался как раз тогда, когда Фира накрывала на стол. В их доме обедали только в столовой, и колокольчик весело звенел, когда Фира приносила блюда из кухни.

Секлетея никогда не заводила разговор о бизнесе, а ведь Моисей Яковлевич уже почти реализовал всю продукцию Виталия. Новых партий товаров она также не предлагала, и скромный бизнес Моисея Яковлевича стал потихонечку хиреть. Он закупал через старых партнеров травы и российскую косметику, но все это стоило недорого и особой прибыли не приносило. И Моисей Яковлевич решил поговорить с Секлетеей: может быть, она будет работать, как когда-то Виталий? Он собрался к ней в офис и уже договорился о встрече, как тут его настигло известие о слиянии с «Полимедом». Он узнал, что она уже в Москве и что через несколько дней должно состояться подписание договора.

«Все равно поеду, поговорю с ней. «Полимед» ее проглотит, как она не понимает?» – думал Моисей Яковлевич, садясь в сидячий вагон дневного поезда «Санкт-Петербург – Москва». Он не любил коротких поездок и поэтому предполагал, что пробудет в Москве 5-7 дней. И остановится непременно в гостинице «Россия», пока энергичный московский мэр³ ее не снес. «И еще у меня дело, о котором просил Виталий перед смертью». И он из поезда позвонил кому-то по мобильному телефону, которым почти никогда не пользовался.

---

³ Здесь имеется в виду гостиница «Россия», которая в советское время была крупнейшей гостиницей Москвы. Она находилась в историческом районе Зарядье и была снесена по приказу мэра Москвы Юрия Лужкова в 2006 году. В настоящее время на месте гостиницы разбит парк.

Игорь Веснин прекрасно спал этой ночью, равно как и во все другие ночи. Приняв с вечера душистую ванну, он тщательно причесался и надел на голову сеточку, боясь испортить прическу. Потом побрился: он выработал привычку бриться вечером и утром, чтобы быть всегда готовым. Нужно попросить домработницу Машу завтра сделать ему маникюр. Утром Игорь послал дежурные SMS своим подругам и подопечным. Все они были с неопределенными обращениями: «Доброе утро, солнышко (дорогая, любимая)» или «Улыбнись мне сегодня утром, и я твой». Он группировал своих респондентов, кому и что послать сегодня, и тщательно следил за тем, чтобы не ошибиться. Он уже пару раз промахнулся и поимел скандал от своей богатой подруги.

Утром пришла Маша: она убирала, готовила, стирала и гладила, а также делала маникюр. Игорь год назад развелся, и приятель порекомендовал ему толстуху Машу. Ей он тоже говорил: «Милая», и влюбленная в него Маша старалась угодить изо всех сил.

Для того чтобы прервать затянувшийся разговор с очередной подругой, он говорил: «Дорогая, мне нужно идти мыть посуду, а то она засохнет». На восклицание «Дорогой, хочешь, я приеду и вымою» он всегда отвечал вежливо и пространно: «Я жду маму», или «Ко мне приедет дочь», или «Уезжаю сегодня в командировку – буду очень скучать». У Игоря было правило – не принимать многочисленных подруг у себя. Он предпочитал встречаться на их территории или на крайний случай в маленькой служебной квартире в центре Москвы, про которую он мог всегда сказать, что она занята и в ней остановился какой-то важный клиент.

Он работал в банке, и его должность обычно называлась «помощник Президента». У президента было две секретарши, два помощника, пять советников, а Игорь был помощником по особым поручениям. В чем особенность поручений, никто не задумывался. Игорь появлялся на службе в 10 часов, в 12 уходил на обед с клиентом, с которого возвращался в 3 или в 4 часа пополудни. Гостя нужно было встретить и проводить. В 5 часов он собирался домой, ведь ему не платили за то, чтобы он перерабатывал. Когда не было клиента, он проводил обед в фитнес-центре: плавал, потом парился в бане, а потом шел обедать. И так, его жизнь удалась.

Игорь родился с золотой ложкой во рту – в семье дипломатов. Поработав в перестройку инструктором в ЦК ВЛКСМ, в 1991 году он устроился помощником Президента сначала в банк Менатеп, а потом – в Инкомбанк. После крушения банков-гигантов в кризис 1998 года он устроился к своей подруге в банк Элвис-плюс, которая была в нем председателем правления. Банк еле выбрался из кризиса: кроме здания, оборудования и парка автомобилей там ничего не осталось. Они с подругой прожигали последние банковские возможности, стараясь привлечь немногочисленных платежеспособных клиентов. Игорь стал подрабатывать – исполнять особые поручения по просьбам приятелей, а потом приятелей этих приятелей. Друзей у него не было.

Не так давно Сергей Туров предложил ему познакомиться с Секлетеей. «Полимед» готовит с ней контракт, и мы бы хотели знать о ней побольше. Она не замужем, у нее недавно умер брат, сын учится за границей – где-то в Швейцарии, в общем, она одна. Развлеки ее, пригласи куда-нибудь. По нашим данным, она увлекается искусством. Ну не мне тебя учить». Сергей намекнул на то, что бюджет будет большим. Игорь как раз недавно проигрался на акциях и нуждался в подпитке. «Я ее раньше уже встречал, с братом или с мужем. Имя у нее редкое». Он вспомнил, что в юности у него была девушка с таким же именем: молоденькая и наивно восторженная, но очень даже ничего.

«Жаль, что сегодня состоится подписание, ведь я уже к ней привык. Она умна и красива, с ней есть о чем поговорить. Может быть, я подумаю ...», – но размышления о возможной женитьбе прервала другая очень важная мысль: «А будет ли она богата после слияния с «Полимедом»? Да, посмотрим, не будем загадывать. Я туда еще успею».

Игорь посмотрел в окно и решил немного прогуляться, чтобы выглядеть свежее к вечеру. На улице стояла прекрасная золотая осень.

Антон Рухадзе, старший менеджер-распорядитель «Балчуга», был исполнительным по самые уши. Он получал удовольствие от того, чтобы поднести чемодан пожилой американке, купить билет немецкому предпринимателю, доставить подарок семейной паре, поиграть с маленькой девочкой, погулять с собакой. Ведь он работал в «Балчуге», и вся его исполнительность вознаграждалась щедрыми чаевыми. И он искренне хотел служить еще и еще.

Когда он выходил из гостиницы, его взгляд менялся и он начинал смотреть на прохожих свысока: «Кто вы, просто прохожие», а то, что они не относились к элите, следовало из того, что они шли пешком по Софийской набережной, а не садились в шикарные лимузины или хотя бы просто в иномарку с тем, чтобы мчаться, рассекая осенние лужи

Антон приехал в Москву недавно, и у него не было своего жилья. Нет ни квартиры и не в центре, он мечтал просто о своем угле – маленькой комнатке в малонаселенной коммуналке. Его родители жили в Тбилиси, работали актерами в театре, а значит, были бедны, как церковные крысы. Антон размышлял, кто же беднее: его неудачники – родители или эти церковные крысы. Он решил, что крысы богаче, ведь у их крысят есть церковь – хоть какой-то угол, а у Антона не было ничего.

В школе Антон хорошо учился, а в институте управления учиться не смог: совсем не было денег, и он поехал в Россию – куда глаза глядели. Двоюродный дядя устроил его в «Балчуг»: сначала он работал дворником, потом посыльным, а теперешняя его должность – старший менеджер-распорядитель – была для него как работа посла для сына дипломата средней руки. Он всегда помнил отрывки из «Горя от ума» и не понимал, почему в школе учили, что Молчалин – отрицательный герой. Какой же он отрицательный? Он умел стать денди, а для этого следовал заветам своего мудрого отца. Он часто мысленно повторял великие стихи:

«Мне завещал отец: Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
хозяину, где доведётся жить, начальнику, с кем буду я служить,
слуге его, который чистит платья, швейцару, дворнику, для избежанья зла,
собаке дворника, чтоб ласкова была».

Антон любил смотреть эту пьесу в «Тбилиском русском драматическом театре», куда мама доставала ему контрамарку на последний ярус. Антон смотрел пьесу стоя: сидя он ничего не видел, а наутро после спектакля иногда ходил в «Пантеон»⁴ к могиле Грибоедова. Как странно: Грибоедов покоится здесь в Тбилиси, а не в Москве или Петербурге. Казалось, что дух великого писателя подбадривал его и повторял: «Помни, Антон, все горе – от ума».

В школе Антону давалась математика: он любил складывать и умножать в уме. Теперь, работая в «Балчуге», он складывал и умножал, вычитал и делил. Он делил щедрые чаевые и относил долю ФСБэшнику на входе, непосредственному начальнику и девочке с ресепшена – любовнице начальника, заведующему складом и директору ресторана. Коллеги отвечали ему добром: ФСБэшник не замечал его отлучек и опозданий, заведующий складом оставлял для него новую форму, которая была сшита как на него, а директор ресторана кормил его остатками с банкетов и фуршетов. Начальник всегда думал об Антоне снисходительно, а его любовница напоминала ему, какой Антон милый. И, когда начальник пошел на повышение, он оставил для Антона свою должность старшего менеджера-распорядителя.

На пресс-конференции и последующем банкете по поводу слияния «Витафамы» и «Полимеда» Антон отвечал за гостей. Он должен расставить своих подчиненных в залах «Атриум» и «Ярославль», в холле, с тем чтобы они направляли гостей из раздевалки на приветственный коктейль, затем в зал «Атриум» на пресс-конференцию и наконец после офици-

---

⁴ Некрополь в Тбилиси, где похоронены известные писатели, артисты, учёные и национальные герои Грузии.

оза – на заключительный банкет. Антон очень ответственно подошел к работе: составил сценарий встречи и проводов гостей и направил его на согласование юристу «Полимеда» Сергею Турову. Себе он, помимо руководства, оставил приятную миссию – вручить цветы Секлетее Красицкой. Он позаботился о цветах заранее: Сергей исправил сценарий и вместо роз предписал купить мимозы или в крайнем случае букет крымских желтых хризантем. «Странные люди: где мы осенью возьмем мимозу», – подумал Антон и заказал хризантемы у проверенного поставщика.

В 3 часа и 45 минут пополудни в «Балчуге» было все готово. Журналисты, которым удалось аккредитоваться на таком значимом мероприятии, уже допивали все приветственные коктейли и разбредались по огромному залу «Атриум». Антон распорядился убрать грязные стаканы: он полагал, что руководство «Витафармы» и «Полимеда» приветственных коктейлей пить не будет. Приехал президент «Полимеда» – Михаил Юрьевич Грач. Его сопровождал адвокат Сергей Туров. Сергей провел немного разомлевшего Михаила Юрьевича в специально забронированный приватный зал «Ярославль» и ушел со словами:

– Михаил Юрьевич, оставляю вам портфель с документами. Как только «Витафарма» прибудет, я сразу же займусь подготовкой. Полагаю, что процесс подписания займет не более десяти минут. Я выступлю с коротким приветственным словом: газетчикам сегодня утром были направлены пресс-релизы, а потом мы все быстро подпишем.

– Как там у нее дела, ты звонил Игорю?

– Да, разговаривал час назад, когда она одевалась. У нее квартира в Брюсовом переулке, им сюда даже по пробкам не более 15 минут. А сегодня на удивление мало машин.

Михаил Юрьевич снисходительно кивнул и подумал, к какой из любовниц поехать сегодня? Юлия и секретарша уже примелькались, и он стал набирать телефон китайки Мэйли, с которой познакомился два месяца назад. Он провел с ней незабываемый weekend в парке-отеле «Истра Холидэй» и именно сегодня захотел продолжения. Мэйли отвечала в «Полимеде» за китайское направление и считала для себя большой удачей такое близкое знакомство с президентом.

«Мэйли – прекрасная слива, это как раз то, что сегодня нужно», – и Михаил Юрьевич представил ее точеную фигурку. Он уже хотел было нажать кнопку вызова, но вдруг передумал: «Пусть подпишет сначала, потом буду звонить. Вдруг сглажу?!»

Сергей Туров, который из-за огромной важности проводимого мероприятия решил, что будет контролировать все сам, направился в зал «Атриум».

– А где Антон? – спросил он у линейного менеджера.

– Антон с букетом пошел к выходу и будет встречать ее лично.

«Да, эти ребята в «Балчуге» знают свое дело, не зря мы их выбрали, – подумал Сергей и вспомнил об обещанном Грачом бонусе. – Самое время набрать Игорю».

Он сунул руку в карман, и его прошиб холодный пот: в кармане мобильного не оказалось. Он поискал в других карманах – нет. «Наверное, оставил на столе в зале «Ярославль», – подумал он и стал осторожно возвращаться к Михаилу Юрьевичу. От нехорошего предчувствия у него засосало под ложечкой.

Антон вышел на улицу через центральную вращающуюся дверь, его сопровождала коллега с цветами. Он привычно держал в руке сотовый телефон, выражая готовность быть всегда на связи. «Какие роскошные желтые хризантемы, совсем как сегодняшнее солнце», – подумал Антон. Ранее он проследил, чтобы цветы упаковали в дорожную крафтовую бумагу, и вспомнил, как шикарно в фильмах Хичкока⁵ приносили цветы в подарочных коробках. Но коробка не для сегодняшнего дня – она войдет в «Балчуг» с прекрасным букетом в руках.

---

⁵ Хичкок – известный британский и американский режиссёр и сценарист, который снимал фильмы в жанре «триллер».

Вдруг телефон звякнул, и Антон увидел SMS от Сергея Турова с восклицательным знаком. SMS открывалось очень долго, Антон насчитал десять биений сердца. Текст был четким и лаконичным: срочно замените букет, нужны красные розы. Антон задрожал: «Где, где я их возьму?! У меня не больше 5-ти минут». И тут он увидел, что какой-то парень с красными розами в целлофане идет к парадному входу. Антон бросился к нему и прокричал: «Сколько у вас роз?» Парень ответил: «Сорок пять». Антон, протянув руку, прохрипел: «Рассчитаемся!» – и стал судорожно разматывать безвкусный целлофан. Розы были перевязаны кроваво-красной лентой.

Все, уже не до крафтовой бумаги. Антон засунул целлофан ошарашенному парню за шиворот и прижал красный букет к груди. Вдруг парень негромко сказал: «Отдай мне хризантемы. Скажу, что роз не было. И мы с тобой будет квиты, ведь я в «Балчуге» не работаю – это случайный заказ». Антон с радостью отдал хризантемы, и парень растворился в толпе.

Андрей Никитин приехал в «Балчуг» заранее, выпил приветственный коктейль в «Атриуме» и направился в зал «Владимир» для того, чтобы занять место в первом ряду. Вероника Субботина лучезарно улыбнулась ему, но он как-то отстраненно поприветствовал ее. Вдруг ему стало не хватать воздуха, и он решил выйти на улицу, вернее, ноги сами вынесли его. «Кто же эта таинственная Секлетея Красицкая, она или не она?» – и Андрей опять вспомнил ее такой, какою она была той ночью.

Внезапно роскошную входную дверь заклинило: она перестала двигаться и встала, как вкопанная, замуравов во вращавшейся треугольной секции англичанку с собакой. Антон был в ужасе, потому что лампочка над дверью погасла, а это могло означать только одно: электроэнергия в механизм не поступала. Англичанкина собака бросилась на дверное стекло, стала бить по нему лапами и выть. Англичанка завизжала по-английски тоном чуть ниже собачьего. Из всего этого визга и воя Антон понял, что собака сейчас обоссит дверь, а может, еще и нагадит. Какой придурок разрешил собак в «Балчуге»?! Но Антон вспомнил, сколько стоил англичанкин номер, и стал нервно толкать дверь, пытаясь ее как-то сдвинуть.

Под этот визг подъехал лимузин, и Антон бросился открывать дверь. Боковым зрением он увидел, что менеджер успел открыть запасную, не вращающуюся дверь, и ему стало чуть лучше. «Господи, когда этот день закончится, возьму отпуск, поеду в Тбилиси, к маме», – подумал Антон и не успел открыть дверь лимузина. Перед ним как из-под земли вырос охранник Секлетее – этот хантыец или мансиец (или ханты-мансиец) высокий, как шкаф, мужчина. Он с легкостью пододвинул Антона и открыл заднюю дверь лимузина. Секлетея и Игорь вышли из машины, Игорь чуть приобнял ее.

Охранник ханты-мансиец подал руку Секлетее, которая выглядела строго и элегантно. Она прошла немного вперед, и тут Антон подскочил к ней с цветами и начал декламировать приветственную речь: «Госпожа Секлетея Красицкая, мы рады приветствовать вас в отеле «Балчуг Кемпински» – лучшем отеле Москвы...», – он вдруг замолчал, увидев, как сильно она побледнела. Ханты-мансиец взял букет, быстро отдал его Игорю и подхватил Секлетее, которая уже теряла сознание. Он резко открыл дверь лимузина одной рукой, втащил ее на заднее сиденье, захлопнул и заблокировал двери. Машина медленно поехала к Раушской набережной и растворилась за поворотом.

Сергей Туров наконец сдвинул вращающуюся дверь, выпустил собаку и англичанку и почувствовал, что вляпался в собачье дерьмо. Ботинки было жалко, но мысль о сорванном контракте бросала его в дрожь. Он никак не мог понять, как же получилось, что какой-то идиот вручил ей кроваво-красные розы вместо указанных им хризантем. Он понимал, что по крайней мере сегодня никакого подписания не будет.

Отряхнувшись от собачьего дерьма, Сергей подошел к Игорю и, с трудом сдерживая эмоции, спросил:

– Что случилось? Где она и почему такой сбой? Грач нам этого не простит! – И добавил: – Игоряшка, будешь мне должен.

– Это кто кому должен? Какой придурок нарушил сценарий? – сухо ответил Игорь Веснин. – Я же писал вам про цветы: ну мимозу не нашли, так крымской хризантемы в Москве навалом. Могли бы и самолет в Крым отправить ради такой сделки. Она ненавидит красные розы, мне кажется, что она почему-то их боится. – Он помолчал: – И вообще, увеличивайте бюджет. Теперь мне нужно к ней ехать, успокаивать и заглаживать вину ваших людей. – Он протянул Сергею букет: – Возьми, я уже весь искололся вашими дурацкими розами.

Сергей начал искать глазами Антона: «Мерзавец, я выгоню его отсюда с волчьим билетом. Он меня еще попомнит». Но расстроенный Антон и не думал скрываться, он подошел к Сергею, протянул ему телефон и вежливо сказал: «Сергей Никитович, хотя это было очень трудно, но я выполнил ваши указания». Сергей прочитал SMS, вспомнил про пропавший телефон и понял, что его переиграли.

Михаил Юрьевич, которого Сергей оставил одного в зале «Ярославль», устал ждать и решил спуститься в «Атриум». Там он увидел толпу журналистов и других приглашенных лиц, на фоне которых выделялся взъерошенный Сергей с букетом роз, и спросил: «Где она? Не приехала?» Сергей стал путано объяснять про розы и хризантемы, про ее обморок и внезапный отъезд. Михаил Юрьевич прошипел: «А где твой Игорь? И кто так готовит сделки? Наверное, нужно юриста менять!», и, не находя более приличных выражений, он пошел к своей машине и увидел, что водителя не было. «Где этот козел? Поведу сам», – подумал Михаил Юрьевич и вспомнил о выпитом коньяке. Это его немного охладило, и, обернувшись, он сказал: «Ладно, Сергей, давай цветы. Думай, как решить проблему. Объяви газетчикам, что ей стало плохо и подписание переносится. И пусть едят и пьют – все равно деньги уже заплачены». В этот момент подошел водитель и Михаил Юрьевич сел на заднее сиденье роскошной БМВ.

«Куда ехать?» – подобострастно спросил водитель. «Прямо», – рявкнул Михаил Юрьевич и стал раздумывать о том, что после такой неудачи ночь любви будет безрадостной. Он передумал ехать к китайке и вспомнил о Барбаре —сотруднице московского департамента консалтинговой компании КРМГ. «Поеду к ней и обсужу план вывода «Полимеда» на биржу, а потом домой и напьюсь. День все равно пропал». Но вдруг он вспомнил слова Барбары о том, что до слияния с «Витафармой» на биржу выходить преждевременно. Осознание того, что он, Михаил Юрьевич Грач, зависит от какой-то женщины, вконец его расстроило, и он сказал водителю: «Поехали в клуб». И подумал: «Посмотрю на девочек у шеста: они такие милые, когда раздеваются. Подарю им розы, не выбрасывать же их».

Выходя из «Атриума», где он объявил обо всем журналистам, Сергей увидел Игоря, который о чем-то мило беседовал с Натальей Власовой:

– Останетесь на фуршет?

– Конечно, я сегодня не обедал. Мы с Натальей – старые знакомые, будет приятно вспомнить о былом, – многозначительно заметил Игорь и увлек Наталью в «Атриум», где как раз закончили накрывать столы.

Сергей не мог смотреть на еду, он вдруг почувствовал легкое головокружение и решил прогуляться до метро.

Секлетя пришла в себя и увидела, что они въезжают в Брюсов переулок со стороны Тверской:

– У меня был приступ? – спросила она ханты-мансийца.

– Небольшой, как вы себя чувствуете?

– Меня еще знобит и слабость. Дайте мне лекарство.

Она стала медленными глотками запивать порошок и вспомнила, когда это произошло с ней впервые. И воспоминание обожгло ее.

Часть 1: Лита

1960-е годы, Тюменская область

Они жили на окраине поселка Луговской, на берегу великой сибирской реки Обь. Поселок возник в 1930 году, а его жителями стали раскулаченные семьи – так называемые спецпереселенцы⁶, которые были доставлены баржей на необжитой берег великой Оби. Рядом с тремя хантыйскими юртами из сырого сибирского леса мужики за лето построили несколько домишек, покрыли их соломенными крышами, сложили печки и к осени поселились по три-четыре семьи в одном доме. Зимовали тяжело, голодали, ходили в тайгу на зверя и ловили рыбу. В Белогорье выменивали рыбу на картошку и муку. А весной 1931 года стали разводить хозяйство, установили мельницы на реке и организовали колхоз.

Сорокатрехлетний доцент Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова Владимир Красицкий был репрессирован в 1950 году по так называемому «Ленинградскому делу»⁷. А в 1957 году был освобожден, но попал под «минус двенадцать»⁸, что означало запрет проживания в двенадцати крупных городах СССР. Так Владимир поселился в поселке Луговской, где ему было предписано проживать под надзором отдела ГПУ при НКВД РСФСР. Чтобы как-то прожить, он устроился фельдшером в поселковую больницу на мизерное жалование, где кроме него работало еще три врача.

По его инициативе при больнице было создано подсобное хозяйство, в котором были корова, овцы и две лошади. Врачи ездили на вызовы к больным в соседние деревни на лошади – зимой на санях, летом на телеге, а иногда и верхом. А корова и овцы помогали прокормиться самим, да и накормить больных, которые, как и врачи, были спецпереселенцами. Еще при больнице была своя лодка, на которой добирались до отдаленных поселений и юрт по протокам великой реки Ендырская, Малина и Агорная.

Обитатели поселка любили Владимира за скромность и интеллигентность, а благодарные пациенты дарили ему все, что сами могли добыть в тайге и в великой реке: рыбу, оленину, зайчатину, иногда куропатку или рябчика, а летом грибы и ягоды. Он жил при больнице: летом в маленькой каморке по соседству с коровой и лошадьми, а зимой – в больничной нише за печкой. В отдельные зимние дни температура воздуха падала ниже 40 градусов и в летней каморке Владимир просто бы замерз.

И тут в его жизни появилась дочь. У Владимира был короткий роман с идейной комсомолкой из Ханты-Мансийска, которая отвергала стыд как классовый предрассудок. В январе 1960 года она приехала в поселок Луговской на две недели по комсомольским делам. Они познакомились на политинформации в поселковом клубе. В тот день была очередь Владимира идти на политинформацию. После лекции были танцы под разбитое пианино. Школьная учительница музыки исполняла вальсы и танго. И Владимир, который редко посещал сельский клуб, заслушался вальсом «Амурские волны»⁹. Комсомолка пригласила его сама, а он не стал отказываться.

---

⁶ Особая категория репрессированных лиц в СССР. Лицо, выселенное из места проживания преимущественно в отдаленные районы страны без судебной или квазисудебной процедуры.

⁷ Серия судебных процессов в конце 1940-х – начале 1950-х годов против партийных и государственных руководителей Ленинграда и РСФСР в СССР, в ходе которых им были предъявлены обвинения во вражеско-подрывной работе и коррупции, а также использовании служебного положения в личных корыстных целях.

⁸ Запрет лицам, которые попали в ссылку после тюрьмы, проживать в двенадцати крупнейших областях, в том числе Московской и Ленинградской.

⁹ Вальс композитора и дирижёра Макса Авельевича Кюсса, написанный в 1909 году.

Вальс закружил их, и Владимир двигался свободно, почти не чувствуя своего тела. Комсомолка была счастлива повторять за ним фигуры, его объятия обжигали ее. Когда музыка стихла, она вдруг подумала: «Какой танец, никогда я так не танцевала!» – и посмотрела на него влюбленными глазами. А потом они танцевали чувственное и надрывающее звуками танго «Брызги шампанского»¹⁰. Движения Владимира были гармоничны и непринужденны, комсомолка тесно к нему прижималась, и со стороны они казались единым целым.

Она подарила ему ночь любви, а утром вдруг сказала:

– Ты необыкновенный. Давай поженимся.

– Ты испортишь себе карьеру, – ответил Владимир. – Тебе не нужно связывать свою жизнь со мной.

Она кивнула ему и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Прошло почти два года, и Владимир начал забывать о комсомолке. Был чудесный теплый июньский вечер, и листья на березах возле больницы распустились за один день. Владимир возвращался от пациента из деревни Троица верхом на лошади. На скамейке в больничном парке он увидел маленькую девочку в летнем пальтишке. «Интересно, чья она, – подумал Владимир, – и где ее мама?». Он спешил и взял лошадь под уздцы, чтобы не напугать девочку. Комсомолка подошла к нему сзади и низким голосом сказала:

– Привет, как у тебя дела?

Он обрадовался и улыбнулся ей:

– Привет! У меня все по-прежнему.

– Я привезла тебе дочь, – сказала комсомолка, – твою дочь. Я скоро уезжаю на комсомольскую стройку, буду секретарем комсомола на Среднесибирской железнодорожной магистрали и девочку брать с собой не хочу. Пусть теперь она поживет с тобой.

– Как ее зовут? – спросил Владимир.

– А зови как хочешь, я ее никак не зову – не хочу к ней привыкать. Возьми ее, если нет, то я по дороге оставлю ее в детском доме поселка Горнофилинский. Я поплыву пароходом до Тобольска, а он как раз по дороге – там остановка на час. Мне времени хватит.

Девочка смотрела на него большими голубыми глазами, ее кудряшки развивались на ветру. И он подумал о том, что это Божий подарок за все его страдания и потери.

– У нее есть какие-то документы?

– Нет, я ее не регистрировала. В этой жизни ее как бы и нет.

– Хорошо, тогда пойдем, – и Владимир взял девочку на руки.

Девочка не испугалась и не заплакала. Они молча дошли до поселкового совета, где как раз сегодня работала его подопечная старушка Мария Ивановна – потомственная дворянка, которая обожала его.

– Мария Ивановна, я хочу сегодня жениться на этой девушке.

– Доставайте паспорт.

И он достал свой потрепанный паспорт.

Мария Ивановна не стала ему рассказывать о том, что, для того чтобы жениться, нужно пройти испытательный срок, который в те времена составлял ровно месяц. Она лишь ласково посмотрела на Владимира, потом перевела глаза на девочку и сказала:

– Пишите заявление ... «прошу сократить испытательный срок и зарегистрировать наш брак в связи с тем, что у нас имеется общий ребенок».

Владимир так нежно посмотрел на комсомолку, что она стала подумывать о том, что ну ее, эту комсомольскую стройку...

– У тебя есть справка о ее рождении?

---

¹⁰ Популярное танго начала 20-х годов Хосе Мария де Люкьеси.

– Да, у меня есть такая справка, – и комсомолка достала потрепанную справку на желтой бумаге. Между тем заявление было написано, проверено, подписано женихом и невестой, и Мария Ивановна стала составлять актовую запись о браке. Она выводила буквы медленно и аккуратно, время от времени макая перо в чернильницу. Процедура тянулась долго, потому что Марии Ивановне пришлось заполнять от руки два экземпляра записи. Когда они удостоверяли запись о браке подписями, Мария Ивановна поставила им в паспорта штамп о браке и спросила: «А как зовут вашу дочь?». Владимир почти не думал, он назовет ее Секлетеей в честь самой любимой и самой желанной женщины – его жены, которая так внезапно покинула этот мир в период расследования «Ленинградского дела», не выдержав страданий.

Комсомолка удивилась: она раньше не слышала о таком женском имени. А Мария Ивановна сказала:

– Какое замечательное и редкое имя! Секлетея по-гречески – это известная женщина или жена сенатора.

Комсомолка поежилась, потому что ей не понравилось слово «сенатор».

– Сенатор – неправильное слово. Скажите, что она жена коммуниста.

– Пусть будет коммуниста, – сказала Мария Ивановна и принялась старательно выводить имя девочки в актовой записи о рождении. Когда счастливые родители подписали и эту актовую запись, Мария Ивановна каллиграфическим почерком уставного славянского письма¹¹ заполнила свидетельство о рождении Красицкой Секлетеи Владимировны.

– Ну, такое событие нужно отметить, – сказала Мария Ивановна и достала бутылку советского шампанского, которую уже давно хранила для особого случая.

Владимир так элегантно с легким хлопком откупорил бутылку и разлил шампанское по хрустальным бокалам, что комсомолка уже решила на стройку не ехать.

– Я теперь замужем и у нас ребенок. Не поеду никуда, – прошептала комсомолка и маленькими глотками осушила бокал.

Владимир все время держал девочку на руках: она устала и уснула, и он боялся тревожить ее.

– Ну куда же вы пойдете с такою крохой? – спросила Мария Ивановна. – Может быть, ко мне?

Мария Ивановна жила в крошечном доме на окраине поселка совсем одна. Ее муж построил эту избу с одной комнатой и печкой посередине еще перед войной, а потом умер от пневмонии. Мария Ивановна с тех пор жила одна и думала: как хорошо бы ей тоже умереть. Но все жила и жила, а потом полюбила поселок, великую реку и протоки, высокие кедры и даже полюбила свою работу, где составляла важные документы редким каллиграфическим почерком.

– Спасибо, Мария Ивановна, – сказал Владимир и так нежно взглянул на Марию Ивановну, что комсомолка стала ревновать. – Моя жена завтра утром уезжает: ее назначили руководителем на Среднесибирскую железнодорожную магистраль, и ее ждет большое будущее. Пойдемте, я оставлю у вас мою дочь. Сегодня такой счастливый день, я хочу гулять с моей женой всю ночь и провожу ее до баржи. Баржа идет в пять утра, осталось немного времени.

И он налил им еще по бокалу шампанского, а Мария Ивановна принесла шоколадные конфеты.

Когда Владимир и комсомолка вышли от Марии Ивановны, было уже два часа ночи – северной белой летней ночи и из великой реки уже поднималось солнце. Они прошли поселок и вышли на пристань.

– Может быть, ты хочешь поспать? – спросил Владимир, глядя на нее восторженно искривившимися глазами.

---

¹¹ Почерк с чётким угловато-геометрическим рисунком.

– Да, немного, – сказала комсомолка и уснула на деревянной убогой лавке. Владимир взял ее паспорт и аккуратно вырвал страницу со штампом.

В 5 часов на горизонте показалась баржа, заслоняя черным дымом солнце и великую реку. Владимир легко потряс комсомолку за плечо: «Пора, моя дорогая. Вот и баржа». Он очень нежно поцеловал ее; она, счастливая, села на баржу и долго махала ему платком. Потом комсомолка вздохнула и подумала: «Какой красивый был день, но меня ждут великие дела на Среднесибирской железнодорожной магистрали, и мое имя впишут в золотую летопись строителей коммунизма».

1967 год, Ханты-Мансийск

Из раннего детства Секлетея помнила маленькую комнату с обмазанной глиной печью и мутное окно, в которое редко проникал свет. Рядом с печкой стояла ее кровать, с другой стороны – отцовский диван, а напротив – сколоченный из досок стол с небольшим шкафом, в котором хранились продукты и нехитрая кухонная утварь. Самыми диковинными были плетеное кресло, сундук и старинная резная этажерка, которая вся была уставлена научными и художественными книгами. Вечером при свете керосиновой лампы этажерка напоминала двух лебедей, хлопающих большими белыми крыльями, а сундук – крошечный утес посреди моря.

Секлетея ждала вечера и представляла, как лебеди долетели до утеса и стали прекрасными принцами. Она засыпала под треск горящих в печи дров, но к утру печь остывала и в комнате становилось холодно и темно. Секлетея не любила утро еще и потому, что отец уходил на работу и на какое-то время она оставалась одна. Потом приходила хантыйка Эви, которая служила в отцовской больнице нянечкой. Она растапливала печь, готовила завтрак, одевала Секлетею в меховой мешок из оленьей шкуры, сажала на санки, и они ехали к роднику за водой. Когда в морозные дни родник замерзал, Секлетея сидела в мешке на санях, а Эви собирала в ведро пушистый и сухой снег, который они потом топили на раскаленной печке. Темнело быстро, Секлетея доедала оставшуюся от завтрака кашу и начинала ждать отца. Между тем Эви готовила обед и купала Секлетею в алюминиевом корыте.

Когда отец возвращался, Эви уходила. Отец сам накрывал на стол: стелил белую скатерть, ставил тарелки и приборы и зажигал керосиновый фонарь «летучая мышь». А после обеда наступало любимое время Секлетей, потому что отец читал ей сказки про королей и принцев, про диких лебедей и гадкого утенка, про стойкого оловянного солдатика, про царя Салтана и золотую рыбку. Особенно ей нравились сказки в стихах, которые она быстро выучила наизусть. У нее почти не было игрушек: из кедровых шишек отец смастерил ей куклу и медведя, а жена местного охотника подарила ей маленького зайчика из остатков настоящей заячьей шкурки. Она ставила фигурки на печку и представляла, как они все приехали на бал. Как можно было приехать на бал без платья, она не понимала, потому что в ее книгах картинок не было, и она думала, что балы проводятся на поляне среди высоких кедров.

Секлетея очень любила отца. Сначала она не знала, что кроме отца должна быть и мать. Потом она думала, что ее мать – это Эви. Она укладывала ее спать, когда отец задерживался у больного, и Секлетея постепенно привыкла и привязалась к ней. Перед сном Эви пела ей песни на хантыйском языке, и она стала понимать немного по-хантыйски. Особенно ей нравились песни про священную весну, про трех оленей и про пин юган – священное солнце.

Снег на короткое время таял, выростали разноцветные лишайники – наступало благодатное время, когда днем и ночью светило холодное северное солнце. В такие дни вечером этажерка становилась балконом замка, а сундук – волшебной дверью в сказочную страну. По выходным отец вставал рано и уходил в тайгу собирать травы, грибы и ягоды. Иногда он брал ее с собой, сажал на плечи или привязывал к себе куском материи. Потом они вместе перебирали добычу, сушили грибы и травы, а из ягод Эви варила ароматное варенье. Секлетея была очень счастлива: она считала себя лесной принцессой, отца – таежным королем, а Эви – придворной дамой.

Однажды она спросила отца:

– А где моя мама?

Он улыбнулся и ответил:

– Дорогая Секлетея, ты – лесная принцесса, а твоя мама – лесная королева, она очень занята, ведь она отвечает за все деревья в нашем лесу. Твоя мама защищает тебя, Эви и всех

жителей поселка от лесных разбойников. Она придет к нам на Рождество в самую длинную ночь в году.

И Секлетея ждала Рождества, старалась не уснуть, а когда проснулась утром, отец сказал:

– Мама приходила, но ты уже уснула. Она оставила тебе подарок, – и протянул ей фарфоровую куклу с длинными белыми косами в клетчатом платье и оранжевой шляпе.

Секлетея была счастлива, ведь ее мама – королева леса – подарила ей самую красивую куклу в мире. Куклу назвали Наташей, а Эви сшила ей целое приданое – праздничный хантыйский кафтан и меховую пелерину.

Однажды вечером отец посадил Секлетею на колени и сказал: «Я уеду ненадолго, но взять тебя с собой не могу. Ты останешься с Эви». Когда утром она проснулась, отца уже не было, и это было ее первым детским горем. Эви как могла развлекала ее: старалась вкусно накормить и пела песни, но Секлетея грустила, а вечером отворачивалась к стене и слезы душили ее. Она не хотела обижать Эви и старалась не плакать при ней. И, чтобы как-то утешить ее, Эви принесла из больницы маленького пушистого котенка, и они вместе назвали его Барсиком. Котенок быстро подрастал, и Секлетея с ним не расставалась: они вместе спали и ели из одной тарелки, а когда вечером Эви пела, Барсик мурлыкал и грациозно кувыркался.

Отец вернулся с подарками: он привез Секлетее два новых платья – повседневное и выходное, маленькие коричневые туфельки и сумочку. А вечером он сказал:

– Мы скоро поедem на корабле, а потом на поезде и приедем в большой город, где у тебя будет много друзей. Мы будем жить во дворце с электрическими фонарями, и наша комната будет высоко над землей. Там ты пойдешь в школу вместе с другими мальчиками и девочками.

– А как же моя мама? Она узнает, что мы уехали на поезде?

– Твоя мама – лесная королева, она не может жить в городе. Но она мечтает о том, чтобы ты училась и жила в городе, где мы с ней родились и закончили школу. Мама будет приходить к тебе на Рождество и дарить подарки.

А когда отец согласился взять с собой Барсика, она совсем успокоилась и стала собирать в дорогу куклу Наташу и маленького зайчика. Эви напекла им пирогов с брусникой и грибами, положила в корзинку маленькую баночку варенья и подарила Секлетее хантыйский оберег с орнаментом серхайн юх, что означало «цветущий куст». «Не забывай меня, моя любимая девочка, – на прощание сказала Эви, еле сдерживая слезы. – Береги серхайн юх. Когда ты вырастешь, он принесет тебе счастье».

Отец разбудил ее на рассвете, и они долго шли через весь поселок к пристани на великой реке Обь. На барже отец устроил их с Барсиком под тентом, возле капитанской рубки, и они поплыли в Ханты-Мансийск к месту слияния Оби и Иртыша.

В Ханты-Мансийске нужно было ждать теплоход из Салехарда, и отец повел Секлетею в кинотеатр «Художественный» – так называемый Дом народов Севера – на утренний сеанс. Она впервые увидела фильм на большом экране, и это была «Золушка». Секлетея влюбилась в принца, возненавидела мачеху и с грустью подумала о том, что у Золушки не было мамы. «Я тоже хочу такую же крестную, как у Золушки», – сказала она отцу. Потом отец купил ей невроятно вкусное мороженое, и она стала мечтать о том, как они будут жить с отцом и крестной в большом дворце с электрическими фонарями. Потом она, переполненная впечатлениями, уснула на руках у отца и проснулась уже на пассажирском теплоходе «Римский-Корсаков».

Они заняли отдельную каюту с окном и умывальником и пошли гулять по палубам. Отец рассказал ей сказку про две великие сибирские реки: Обь и Иртыш. «Ты родилась на великой реке Обь, а сейчас мы плывем по Иртышу. Он течет с горы, на которой много золота, серебра и драгоценных камней, и, чтобы принести все эти подарки красавице Оби, Иртыш роет гору и землю, и люди зовут его «землероем». Секлетея вглядывалась в темные воды реки и мечтала, что проплывет мимо нее драгоценный камень – такой же, как в короне у крестной.

Вечером отец надел на Секлетю выходное платье и туфли, заплел в две тонкие косички голубые ленты и повел ужинать в ресторан.

Ленинград, Саратов 1930 – 1950 годы

Владимир очень устал за день, но, несмотря на убаюкивающий шум воды, сон не шел к нему. Он навсегда покидал место своего заточения. Два месяца назад после многочисленных отказов он, наконец, получил разрешение на проживание в Москве. Все время жизни в Сибири он старался не думать о счастливой юности, женитьбе на любимой женщине, о работе в университете, о многочисленных победах и успехах. Владимир заставил себя забыть и как бы отрезал от себя ту очень радостную часть жизни. Когда появилась Секлетя, он все время посвящал только ей, работал по инерции и даже ночью спал урывками, потому что все время боялся за ее здоровье и спокойный сон.

И сейчас он мысленно зачеркнул время, прожитое в тюрьме и на поселении, и почувствовал, что в нем нарастает какая-то неведомая раньше сила. Он вышел на палубу, встал на носу корабля против ветра, и ему показалось, что он парит над рекой. И вдруг он явно вспомнил свой детский сон: он сначала отталкивался от асфальта, а потом летел над Мойкой, и весь свой сон он боялся зацепиться за трамвайную контактную электрическую сеть. Даже во сне он опасался летать над Невой, потому что река была такой широкой и полноводной, что можно было не долететь. И вся его счастливая прошлая жизнь пронеслась перед ним, и ему стало казаться, что он опять в Ленинграде. Он даже вспомнил вкус булочек и запах кофе в кондитерской на Невском.

Владимир родился в Москве в 1916 году в Брюсовом переулке. Его мама в то время жила у своих родителей вместе с младшей сестрой. А отец Владимира работал в Петербурге инженером на Николаевском вокзале и жил на снятой недорого на год вперед квартире. Получив за женой очень приличное приданое, он купил квартиру в новом доме номер 63 на Большой Морской улице, именно в том месте, где Большая Морская выходила на Мойку. Квартира располагалась на третьем этаже в третьем подъезде, а из окон гостиной и кабинета был замечательный вид на реку. Но квартира была не готова: дом только достраивался, поэтому маленький Владимир с мамой оставался в Москве.

После революции отец Владимира как буржуазный специалист¹² стал сотрудничать с новой властью, пережил один в Петрограде тяжелые 1918 и 1919 годы, а в начале 1920 года перевез из Москвы семью в кое-как обжитую квартиру на Большой Морской. Они жили трудно, голодно, но очень счастливо.

В 1924 году отец отвел Владимира в мужское училище на проспекте Маклина, которое работало по так называемой «петроградской модели»: в их классе на первой ступени обучения¹³ не было девочек. Тенденции к совместному обучению, которые тогда главенствовали в СССР, повлияли на то, что, когда Владимир учился на второй ступени, в классе уже было четыре девочки.

Утром с мамой они шли до училища: сначала через Поцелуев мост, потом через Матвеев мост по набережной Мойки до проспекта Маклина, который мама всегда называла Английским проспектом (в советское время он был переименован в проспект Маклина – прим. ред.). Владимир очень любил Ленинград: этот город влиял на него, формировал его характер. Он избродил все набережные и улочки центра Ленинграда, а особенной радостью были для него прогулки по проходным дворам.

---

¹² Образованные представители буржуазного класса, которые после Октябрьского переворота 1917 года стали сотрудничать и работать в коммунистических организациях и институтах.

¹³ Первая ступень обучения в период 1917 – 1930 год – это аналог начального образования, вторая ступень – аналог неполной средней школы.

Летом они жили с мамой на даче в Сестрорецке, которая отцу полагалась по службе. К ним приезжали бабушка и мамина младшая сестра, и они дружно опекали Владимира. Отец приезжал в Сестрорецк по выходным, так что Владимир воспитывался в женском царстве.

В 1935 году Владимир по наущению отца поступил в Ленинградский университет на биологический факультет. На занятия в здании Двенадцати коллегий на Университетской набережной Васильевского острова он любил ходить пешком. Он увлекся физиологией и часто по вечерам работал в лаборатории, где изучал жизнедеятельность микробов и микроорганизмов. Когда в летние ночи разводили мосты, он любил работать до утра, а потом, усталый и счастливый, шел домой завтракать. А во время осенних и весенних наводнений он приносил домой рыбу, которая оказывалась в их лаборатории, когда отступала вода. Мама по просьбе Владимира варила из рыбы суп, который они называли лабораторным, и вечером они вместе с отцом ели его на ужин.

Уже на первом курсе Владимир привлекал внимание девушек. Высокий, голубоглазый, спортивный и интеллигентный, юноша не мог не понравиться. В Сестрорецке мама водила его в теннисную секцию, и к семнадцати годам он уже неплохо играл. Его даже приглашали выступать в студенческих соревнованиях. Недалеко от университета в Академическом саду были три теннисных корта и кирпичная стена для тренировок. Между лекциями он часто играл в теннис в паре с очередной влюбленной в него однокурсницей. Владимир был очень внимателен: учил девушек играть, показывал упражнения у стенки, и за это они еще больше обожали его. Вечером в саду были танцы под духовой оркестр, и Владимир, который, в отличие от многих сокурсников, умел танцевать вальс, имел там особенный успех. А зимой они катались на коньках по Финскому заливу и каналам, ходили в театры и на концерты, а также на научные вечера в Университете, которые заканчивались концертом или танцами.

На третьем курсе Владимир увлекся вирусами и написал свою первую студенческую работу, по материалам которой выступил с докладом в Петровском зале университета на студенческой конференции. На него обратил внимание профессор Виноградов, который в то время набирал студентов для создания прививки от коклюша. Владимир стал самым молодым ученым в группе профессора Виноградова: уже на четвертом курсе под руководством профессора вел со студентами лабораторные занятия и помогал ему проводить опыты с микробами.

В его беззаботной жизни случались встречи с некоторыми доступными девушками без комплексов. Но он сразу им говорил о том, что посвятит жизнь науке и не хочет жениться, чтобы не связывать себя. Но девушки все равно кружили вокруг него, надеясь на то, что он переменит свое мнение о женитьбе.

В 1938 году внезапно умер отец. Однажды он пришел с работы очень расстроенным. Мама сказала, что на партийном собрании к работе отца предъявили претензии и постановили проводить расследование. Мать как могла успокаивала отца, поила его травяным чаем, и к полуночи он уснул тяжелым сном. Мать легла в гостиной, потому что не хотела его беспокоить, а утром нашла его бездыханным и уже холодным.

После смерти отца их уплотнили. В их квартиру подселили железнодорожного рабочего с женой, что не очень понравилось маме. Владимир с рабочим старался не общаться и поэтому стал приходить позднее обычного.

В 1941 году весной Владимир окончил университет с красным дипломом и без экзаменов был принят в аспирантуру к научному руководителю профессору Виноградову.

Когда началась война, Владимир по комсомольской путевке без отрыва от аспирантуры был направлен вести курсы первой медицинской помощи, а потом и для организации работы станций переливания крови. К середине июля 1941 года он совсем переехал на кафедру и только один или два раза в неделю ночевал дома.

Когда был издан указ об эвакуации его лаборатории в тыл в Казань, они как раз заканчивали важную серию исследований по вакцинам. Владимир хотел уйти добровольцем на фронт,

но профессор Виноградов настоятельно просил его завершить исследования, потому что многое было завязано на нем.

Владимир подчинился, собрал мать, которая была у него на иждивении, и 29 июля эшелон с оборудованием и сотрудниками эвакуированных университетских лабораторий отправился в тыл в Казань. Однако в Казани лаборатории не предоставили помещений, и местопребыванием эвакуированных лабораторий стал город Елабуга. Владимиру очень понравился старинный русский город, расположенный на берегу Камы. Их с матерью поселили в маленькой келье бывшего женского монастыря в центре города.

Владимир работал по 20 часов в сутки: размещал лабораторию, снабжал ее электроэнергией, обеспечивал сохранение исследовательской документации и редких книг, а в сентябре стал добывать топливо для их кельи. В перерыве между работой он вылавливал огромные бревна, которые плыли по Каме – они с матерью их распиливали, а он потом колол.

Профессор Виноградов получил новое задание: его группа была назначена ответственной за решение проблемы переутомления человеческого организма, которая в условиях военного времени имела особенно важное значение. Владимир продолжал заниматься исследованиями по коклюшу, помогал профессору в его новой работе и по вечерам дежурил в госпитале. Иногда он говорил профессору: «Вот на мне проводите исследования переутомление организма. Я, молодой здоровый парень, так устаю, что все время хочу спать».

В ноябре 1942 года их лаборатория переехала в Саратов. Владимир уехал один, потому что боялся за мать: Саратов был прифронтовым городом, и ему предложили только койку в общежитии. Мама оставалась одна в Елабуге, и на семейном совете было решено выписать к ней младшую сестру, которая только что вернулась в Москву из эвакуации.

В Саратове было еще больше работы: Владимир проводил исследования в Саратовском медицинском институте и двух госпиталях. Профессор Виноградов поручил ему разрабатывать тему восстановления функций нервной системы, нарушенных в результате военных травм. А весной 1943 года профессор сформулировал тему кандидатской диссертации Владимира «Закрытие травм головного мозга и травмы периферических нервов¹⁴».

Но наукой Владимир занимался урывками: он вместе с другими сотрудниками университета строил оборонительные сооружения в дни Сталинградской битвы. Дважды он проехал по Алтынной горе, которую в Сталинграде называли «дорогой жизни». На раздавленной вывеске они вывезли из Сталинграда и потом спасли 28 раненых бойцов. С замиранием сердца он слушал сообщения из Ленинграда, но все масштабы блокады понял, только вернувшись в Ленинград в мае 1944 года.

24 февраля 1944 года в театре оперы и балета в Саратове праздновали 125-летие Ленинградского университета. На сцену выставили декорацию, изображавшую здание Двенадцати коллегий, прошло торжественное заседание коллектива Ленинградского Университета и награждение его орденом Ленина. А потом в фойе устроили танцы под духовой оркестр.

Она вошла в театр со служебного входа, сняла валенки и надела туфли. На ней было суконное черное платье, закрытое до шеи, а ее тонкие пепельные волосы были собраны на затылке в пучок. Она стояла у колонны и робко и застенчиво смотрела на танцующих.

Владимир как раз заканчивал вальс с веселой медсестрой, которая много болтала и шумно смеялась. Она стала намекать ему, что неплохо бы продолжить вечер, но ему не хотелось продолжать с ней, и он как всегда в таких случаях стал ссылаться на неотложные дела. Вдруг он увидел скромную и замкнутую девушку, и ему показалось, что от нее исходит причудливый и почти сверхъестественный свет.

---

¹⁴ Периферическая нервная система – условно выделяемая часть нервной системы, находящаяся за пределами головного и спинного мозга.

Он подошел к ней и пригласил на танго. Она согласилась. Он обнял ее, она стала двигаться в такт музыке, и вдруг в нем пробудились какие-то новые чувства. Он произнес:

– Как вас зовут? – его голос задрожал, а в горле пересохло.

Улыбаясь, она ответила:

– Меня зовут Секлета.

«Какое интересное и необычное имя», – подумал Владимир. Раньше он стал бы шутить и сказал бы что-то вроде: «И кто же вас так назвал?» или придумал ей бы какое-нибудь прозвище и сказал бы: «А можно звать вас Секлеточкой?», но сейчас он не знал, что сказать. И, так как она молчала, в конце танца он произнес:

– Меня зовут Владимир. Я хочу вас пригласить на следующий танец.

И, не получив от нее согласия, он так и стоял, обнимая ее, хотя она уже опустила руки и немного отстранилась. Заиграли вальс, и он нежно повел ее, кружа только вправо и осторожно продвигаясь между танцующими парами. Раньше он любил делать разные па, кружить сначала вправо, потом влево, носиться по залу с партнершей и смеялся, когда девушка ошибалась, наступала ему на ногу или в порыве танца прижималась к нему очень близко. Сейчас он держал ее в объятиях как драгоценную вазу и старался предугадать ее следующее движение, чтобы у нее ни в коем случае не закружилась голова. После второго танца он опять не отпускал ее, и она робко сказала: «Уже совсем темно, мама не разрешает мне так поздно ходить на танцы». «Можно я провожу вас?» – спросил Владимир, и, когда она согласилась, он почувствовал такую радость, какую раньше чувствовал только при удавшемся научном эксперименте.

Они молча брели по замерзшему Саратову, завывала февральская выюга, и, когда он поддерживал ее с тем, чтобы она не упала на ледяной мостовой, она немного вздрагивала, чуть отстранялась и говорила: «Большое спасибо». Он рассказал ей, что он – ученый-биолог из Ленинграда и что университет готовится к возвращению в альма-матер. Она же сказала, что в прошлом году закончила в Саратове десятый класс школы и работает медсестрой в госпитале.

Когда они пришли к ее дому, он спросил: «Мы можем еще увидеться?». И, когда она просто ответила: «Да», ему захотелось петь. Она робко улыбнулась, не подала ему руки, сказала: «До свидания» и растворилась в темноте. Когда Владимир проснулся следующим утром, он решил, что женится на Секлете.

Они встретились еще два раза и посетили музей-усадьбу Николая Чернышевского и Саратовский художественный музей. Владимир был нежен и предупредителен, а Секлета робка и застенчива. И, когда он провожал ее домой в третий раз, он спросил: «Могу я познакомиться с вашей мамой?» И они договорились идти к ней домой знакомиться в предстоящее воскресенье.

Секлета жила в деревянном доме в центре города на втором этаже. Вокруг дома росли кусты сирени, и Владимир представил, как хорошо здесь летом. Они поднялись вверх по скрипучим деревянным ступеням и вошли в длинный коридор, который заканчивался кухонным столом с керосинкой и покрытым белой вязаной скатертью маленьким приставным обеденным столиком с четырьмя стульями. Направо почти вплотную к кухонному столу стоял шкаф, который играл роль стены между двумя небольшими комнатами: гостиной и спальней. Комнаты разделяла беленая печь, напротив которой стояло старинное пианино со свечами.

Мама элегантно накрыла стол и предложила гостям чай, варенье и хлеб. Из внутреннего кармана пальто Владимир достал шампанское, которое ему подарили на 125-летие университета, мама принесла хрустальные бокалы с серебряным ободком и крышечкой. Он спросил ее о здоровье, а потом стал рассказывать о себе. В конце он очень просто произнес: «Мне нравится ваша дочь, такую девушку я встречаю первый раз в жизни. Я прошу у вас ее руки и не остановлюсь ни перед чем, чтобы сделать ее счастливой». В комнате повисла тишина, Секлета сначала побледнела, а потом покраснела.

Мама подошла к пианино и предложила: «Давайте я вам что-нибудь сыграю». И полились звуки прекрасного вальса Шопена. Когда музыка стихла, мама сказала почти шепотом: «Она еще очень молода, она – все, что у меня есть. Мой муж погиб на фронте в 1942 году. Но я вижу, что вы – человек порядочный, и поэтому не возражаю, но все будет зависеть от нее самой».

Владимир поблагодарил за добрые слова и добавил: «Давайте я дам вам время подумать, а пока напишу обо всем своей матери». И с этими словами он встал, поцеловал маме руку, бросил на Секлету нежный взгляд и откланялся.

Через неделю мама благословила их перед иконой, и он стал ходить к ним в дом как жених. Из Елабуги пришло письмо: мама Владимира была счастлива от таких новостей и не могла дожидаться, когда они воссоединятся и вернутся в Ленинград.

Прошло два месяца, и они расписались в Ленинском отделе ЗАГС города Саратова. Из гостей были только они и мама, и Владимир пригласил профессора Виноградова. Секлета была в том же черном суконном платье, которое по такому случаю было оторочено большим белым воротником. Мама была в бархатном синем платье, и они смотрелись как две сестры.

Потом они праздновали в университетской лаборатории, и профессор Виноградов сказал: «Очень рад присутствовать на таком значимом событии. Владимир – мой лучший и самый любимый ученик. Его ждет большое будущее. Желаю вам любить друг друга всю жизнь. Горько!». И они в первый раз поцеловались.

Владимир проводил женщин до дома, нежно расцеловал их и безмерно счастливый пошел ночевать в общежитие. Еще ранее было договорено, что свадьбу сыграют в Саратове, чтобы Секлета могла поехать в Ленинград в качестве жены, а совместную жизнь они начнут в Ленинграде в квартире Владимира на Большой Морской. В начале мая первым университетским эшелонам они уехали в Ленинград.

С замиранием сердца Владимир подъезжал к Ленинграду. Уже на подъезде к городу можно было видеть искореженную военную технику и воронки. «Слава Богу, Московский вокзал уцелел», – подумал Владимир. Они перегрузили на полуполторку¹⁵ университетское оборудование и в кузове поехали по Невскому к главному зданию университета на Васильевском острове. Машина медленно обогнула Площадь Восстания, и Владимир с удовлетворением увидел трамвай, который шел по направлению к Смольному. На Невском зияли дыры от разрушенных домов, а уцелевшие были в следах от снарядов.

На домах, заборах и столбах висели выцветшие плакаты блокадного города: «Грудью на защиту Ленинграда», «Прорвана блокада! Вперед, орлы! Вперед героини Ленинграда!», «Ленинградцы! Все на заготовку дров!», «Блокада Ленинграда прорвана! Разгромим немецких захватчиков!», «Все силы на защиту города Ленина!».

Везде было крошево кирпича, чугуна и остатков деревянных конструкций. Аничков мост был сильно поврежден, взрывной волной была разбита и сброшена в Фонтанку чугунная решетка и две чугунных тумбы. Знаменитых коней Клодта¹⁶ не было, и от этого у Владимира защемило сердце. Потом он с радостью отметил, что Катя вместе с фаворитами¹⁷ почти не пострадала. Казанский собор еще частично был в лесах, но купола церкви Рождества Пресвятой Богородицы сияли на майском солнце. Александровская колонна была на месте, и леса еще не были сняты, но Владимир отчетливо увидел, что крыло ангела пострадало от осколка. Чугунные перила Дворцового моста местами отсутствовали, а трамвайные рельсы были повреждены. Но мост устоял. С замиранием сердца Владимир обернулся на Зимний дворец и увидел следы от авиационных бомб, но дворец выстоял.

¹⁵ Советский среднетоннажный грузовой автомобиль грузоподъемностью 1,5 тонны.

¹⁶ Конные скульптурные композиции на Аничковом мосту через Фонтанку, на мосту расположено четыре конных композиции.

¹⁷ Название памятника императрице Екатерине Великой, данное наименование используется в элитном жаргоне интеллигенции Санкт-Петербурга.

Когда машина проезжала мимо Биржи и Ростральных колонн¹⁸, выстрелила пушка Петропавловской крепости. «Ленинград жив, – сказал Владимир, – мы все восстановим, будет еще краше». На первом этаже главного здания университета был построен ДОТ¹⁹, а в других помещениях работал госпиталь.

В лаборатории, где раньше вел исследования Владимир, была свалена поломанная деревянная мебель, но сама лаборатория почти не пострадала, хотя стекла были выбиты, а окна забиты деревянными досками. Владимиру удалось перенести оборудование и книги в старые шкафы, а что не уместилось, так и оставили в ящиках. Полуторка уехала, и Владимир вместе с Секлетой, прихватив с собой немного еды, пошли пешком на Большую Морскую улицу к его дому.

Два подъезда дома были забиты, а у его третьего подъезда и вовсе не было дверей. Владимир стал стучать в двери соседей, и на втором этаже оказались жильцы дома, которые эвакуировались в марте. Они помогли Владимиру открыть квартиру, в которой никто не жил. Соседи рассказали, что железнодорожный рабочий и его жена умерли в блокаду и их комната пока пустует, потому что с нее не сняли бронь²⁰.

Открыли кухню и комнаты: все было на месте, только некоторые оконные стекла были разбиты. Секлета, как смогла, привела в порядок кухню и спальню, они вскипятили воды, сварили картофель, сделали травяной чай и пообедали. За время, прошедшее после свадьбы, она привыкла и по-настоящему привязалась к Владимиру, а первая брачная ночь сделала их единым целым. Они жили дружно, никогда не ссорились, Секлета слушалась Владимира, а он помогал ей по хозяйству.

Когда через месяц из Елабуги вернулась мать Владимира, Секлета поступила на службу в университет лаборанткой. Они освоили строительные специальности, участвовали в разборе ДОТа, чинили крыши, заделывали следы от снарядов. Рано утром они вместе уходили в университет, а поздно вечером вместе возвращались.

Через год Владимир защитил кандидатскую диссертацию и его избрали на должность доцента. А в 1947 году у них родился сын, которого назвали Виталий.

---

¹⁸ [Архитектурные сооружения в центре Санкт-Петербурга, на Стрелке Васильевского острова.](#)

¹⁹ ДОТ – сокращение, использованное во время Великой отечественной войны, долговременная огневая точка.

²⁰ Бронь – это ограничение использования недвижимости в связи с отсутствием хозяина. Выражение использовалось в советское время, в период наличия прописки в жилых помещениях.

Москва 1967 – 1973 годы

К вечеру следующего дня теплоход прибыл в Тобольск. Они сели в такси и поехали на вокзал. Поезд оказался еще прекраснее теплохода. Незнакомая тетя предложила им конфеты и чай, а Барсику принесла кусочек колбасы, который тот сразу же проглотил. Они ехали ночь, потом весь день, и только к вечеру следующего дня поезд подошел к Москве. На вокзале Секлетее стало страшно, потому что столько людей она еще никогда не видела.

У вагона их встретила красивая и элегантная пожилая женщина. От нее приятно пахло, и она лучезарно улыбалась Секлетее, а на отца смотрела с любовью. Она наняла носильщика, и на такси они поехали к центру города, свернули в переулок и остановились у старинной церкви, про которую Секлетее потом узнала, что это Англиканская церковь Святого Андрея.

Анна Александровна, или, как ее стала называть Секлетее, тетя Аня, жила в квартире, где Владимир когда-то родился, и приходилась младшей сестрой его матери. Ее муж – генерал-полковник Советской армии – пропал без вести на фронте, а детей у них не было. После войны к ней в квартиру подселили одинокую старушку, а комнату для прислуги при кухне и вовсе не заселили. Так что она жила в двух больших смежных комнатах и работала костюмершей в театре.

Водитель донес их вещи до лифта, и отец чуть подтолкнул ее. «Это лифт – мы на нем поднимемся наверх в квартиру», – сказал отец. Секлетее впервые увидела свое отражение в огромном зеркале, которое было встроено в заднюю стенку лифта, и от неожиданности присела на мягкую банкетку, обитую бордовым бархатом. Лифт поднялся на пятый этаж, и они оказались на лестничной площадке, на которой было две квартиры с огромными двойными дверями. На лестнице у окна от пола до потолка стояли живые деревья в кадках, и Секлетее подумала, что это маленькие кедры. На одном из деревьев были ярко-красные цветы в виде больших колокольчиков, а листья другого были похожи на зеленые вееры.

Тетя Аня открыла дверь правой квартиры, и Секлетее оказалась в огромной прихожей, которая была больше их комнаты с печкой. В прихожей стоял резной шифоньер, в который тетя Аня сложила верхнюю одежду. Она осторожно взяла ее за руку и через белые деревянные двери провела в огромную комнату с эркером, в которой стоял манекен с надетым женским платьем. Слева от эркера была небольшая ниша, в которой умещался диван, наполовину закрытый ширмой с вышивкой букетами роз. Тетя Аня принесла с кухни алюминиевую миску с кашей для Барсика, содержимое которой он съел молниеносно и даже вылизал миску до блеска.

Секлетее была переполнена впечатлениями, и тетя Аня, увидев ее состояние, сказала отцу: «Владимир, наша принцесса утомлена, разреши мне ее уложить – пусть немного отдохнет». И эти слова, а главное, приветливый тон, которым они были сказаны, расположили Секлетее к тете Ане.

Она взяла ее на руки и отнесла в смежную комнату, где за пианино располагалась кровать с металлическими набалдашниками и белым кружевным покрывалом. Она аккуратно сложила покрывало, и Секлетее увидела вышитый маленькими синими цветами белый пододеяльник и такую же наволочку.

– Раздевайся и поспи, моя принцесса. Что тебе принести?

– Я хочу моего Барсика.

И тетя Аня принесла кота, который растянулся на пододеяльнике и замурлыкал.

– Можно я буду звать тебя Литой?

– Да, – ответила Секлетее и сразу же уснула.

Когда она проснулась, за окном уже было темно. Тетя Аня пришла к ней и спросила: «Как ты спала, принцесса Лита? Это теперь твоя маленькая комната, и ты всегда будешь спать на этой кровати. Одевайся, моя дорогая, вот твое новое домашнее платье», – и она протянула

ей серое платье с вышитым букетом гвоздики на белом воротничке. Тетя Аня пригласила ее поужинать и подала воздушную манную кашу с малиновым вареньем на фарфоровой тарелке с цветами. Такой вкусной каши Лита еще не ела. А потом тетя Аня включила телевизор, где другая тетя рассказывала сказку.

Утром они с отцом пошли гулять в Александровский сад. Огромные клумбы с уже увядающими летними цветами коврами расстилались в парке. Отец показал ей могилу Неизвестного Солдата и Вечный огонь, итальянский грот и памятник-obelisk. Девочки в красивых платьях с мамами гуляли по аллеям. И Лита спросила:

– А моя мама сюда приедет?

– Нет, – очень мягко сказал отец. – В Москве у тебя все будет по-другому. Завтра ты пойдешь на свой первый экзамен, в школе должны проверить твои знания. Если ты не пройдешь экзамен, то тебя в эту школу не примут. Пожалуйста, постарайся.

В 31-й специальной школе с преподаванием ряда предметов на английском языке, которая располагалась на улице Станиславского, уже заканчивали набирать два первых класса А и Б. Анна Александровна преподавала в школьном кружке рукоделие и договорилась об экзамене со своей подругой— учительницей начальных классов.

На экзамене бойкая молодая женщина обратилась к Лите и спросила: «Ты знаешь стихи наизусть? Можешь нам рассказать?» И Лита с выражением стала читать «Сказку о царе Салтане» так бойко и уверенно, что даже тетя Аня этого не ожидала. Комиссия заслушалась, и, так как ее никто не прервал, она стала декламировать о том, как «царицу и приплод тайно бросили в бездну вод». Когда любопытствующая мамаша открыла дверь, учительница поблагодарила Литу и сказала: «Хотя девочке семь лет будет только в октябре, мы ее берем. С такими данными ей в детском саду делать нечего. Но она очень маленькая, и вы, мамочка, пожалуйста, следите за ее здоровьем. У нас особенная школа, и детей с плохими отметками мы отчисляем».

Литу поразило то, что учительница назвала тетю Аню «мамочка». Но она подумала, что если это ее тетя, то значит, она – сестра ее мамы.

Через неделю 1 сентября 1967 года она пошла в школу. Тетя Аня надела на нее коричневое платье и белый фартук и заплела две косички белыми бантами. На вопрос учительницы: «Как тебя зовут» она бойко сказала: «Секлетея, но дома меня зовут Лита».

Тетя Аня встречала ее каждый день после уроков, а по дороге домой они покупали продукты в маленьком магазине – подвале на улице Станиславского. Уроки были с понедельника по субботу, а по вечерам тетя Аня учила ее рукоделию. По воскресеньям она вела в школе кружок, а Лита с отцом ходили в театр на детские спектакли: во МХАТ – на «Снегурочку» и «Синюю птицу», а в Кукольный театр, который был тогда на площади Маяковского²¹, – на «Кота в сапогах» и «Царевну-Лягушку». Когда не было билетов в театр, отец водил ее в музей и на выставки. Они не один раз ходили в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, и в музей Востока на Суворовском (Никитском) бульваре, в Исторический музей на Красной площади и в музей-панораму «Бородинская битва». А в хорошую погоду отец гулял с ней по переулкам старой Москвы, рассказывал о ее традициях и нравах. Они гуляли по Петровке и Неглинке, по улице Алексея Толстого (Спиридиновке) и старому Арбату, который тогда не был пешеходным. А иногда они все вместе ходили в кинотеатр «Россия» на площади Пушкина.

По воскресеньям тетя Аня учила ее готовить, а потом они вместе накрывали на стол. На большой овальный дубовый стол стелили белую скатерть, ставили фарфоровую посуду и хрустальные бокалы, а для серебряных столовых приборов – специальные подставки с головами белки, собаки, козла и кабана. Зажигали четыре свечи, которые ставили в пару медных подсвечников с крыльями ангелов.

---

²¹ Прежнее название Триумфальной площади в Москве (1935 – 1992 годы).

Перед обедом тетя Аня сначала кормила Барсика, чтобы он не мяукал и не просил еду со стола. Но хитрый и избалованный Барсик все равно выгибал спину, ангельскими глазами смотрел на своих хозяев и жалобно мяукал. Если к ним приходили гости, то они всегда считали, что кота недокармливают. После обеда мама Аня играла на пианино, а отец сидел в кресле и как бы погружался в себя: в эти минуты он вспоминал Ленинград, а иногда и Саратов.

Дни рождения отца и тети Ани они праздновали в ресторане: отец любил «Центральный» на улице Горького (Тверской) и «Арагви» на углу улицы Горького и Столешникова переулка.

Праздники они всегда встречали дома и приглашали гостей, в основном, подруг Анны Александровны. Их любимыми праздниками были Новый Год, Рождество, День победы 9 мая и день Октябрьской революции 7 ноября. Отец рассказывал, что в начале ноября 1613 года русские войска разгромили поляков и началось правление династии русских царей Романовых. В школе об этом рассказывали мало, а отец приводил Литу к памятнику Минину и Пожарскому у Храма Василия Блаженного на Красной площади, а потом они шли в Храм Воскресения на улице Неждановой (Брюсов переулок). Отец и мама Аня верили в Бога: в гостиной висели иконы и лампадка. Отец никогда не заставлял ее молиться, она просто держала свечу и ставила ее к иконе в храме. Каждый день ей в школе рассказывали про материализм, атеизм и большевизм, она внимательно слушала, сдержанно отвечала выученные дома уроки и никогда не говорила про отца и маму Аню, которые ходили в храм.

В праздники мама Аня любила готовить грузинские блюда: аджапсанда, сациви, чахохбили и хачапури. Накануне они вместе ходили в магазин за синей замороженной курицей с ногами и головой, за голландским сыром и сливочным маслом, а за грецкими орехами, специями и зеленью ходили на центральный рынок. Мама Аня заботливо чистила курицу от перьев и потрохов, аккуратно вырезала желчный пузырь из печени и требуху из желудочка, специальными ножницами отрезала ногти с куриных лап.

Из одной курицы мама Аня готовила куриную лапшу и сациви, а если было две курицы, то еще и чахохбили. Обычно утром варили куриный бульон из ног, шеи и головы, а также потрохов. Мама Аня на большой доске раскатывала и нарезала домашнюю яичную лапшу. Лапшу она варила отдельно и только потом добавляла в бульон. Все мясо с шеи шло в сациви, а потроха оставались в супе. Для сациви еще отваривали на медленном огне в малом количестве воды куриную грудку и ноги, затем разбирали вареную курицу на волокна, а на крепком курином бульоне делали заливку на молотых грецких орехах и разных специях, среди которых основной была хмели-сунели.

Чахохбили мама Аня делала с добавлением замороженных помидоров и перца, которые заботливо заготавливала еще осенью. Она готовила лобио из красной фасоли в маленьком глиняном горшочке и хачапури с голландским сыром. Все блюда украшались зеленью с рынка.

Отец шел в магазин «Российские вина», который был неподалеку, и покупал бутылку грузинского вина: «Кинзмараули» или «Мукузани», «Алазанскую долину» или «Вазисубани», в зависимости от времени года. Весной и летом он пил только белые вина, а осенью и зимой – только красные.

Самым важным праздничным ритуалом была сервировка стола. Мама Аня доставала праздничную связанную крючком белую скатерть, льняные вышитые мережкой салфетки, кузнецовское блюдо²² для зелени и хачапури, супницу для чахохбили, ломоносовские тарелки²³ из старинного сервиза и хрустальные бокалы с серебряными ножками. В такие дни открывали двери в смежную комнату и зажигали свечи еще и в бронзовых старинных подсвечниках на

---

²² Блюдо производства «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М. С. Кузнецова» – одного из крупнейших фарфорово-фаянсовых производств Российской империи.

²³ Тарелки Санкт-Петербургского завода «Ломоносовский фарфор».

пианино. В старинную хрустальную вазу ставили живые цветы: гвоздики или хризантемы, отец почему-то не любил розы

Секлетея училась с удовольствием, она любила все предметы: и русский, и арифметику, и родную речь, и пение. Во втором классе стали преподавать английский язык, и уроки английского были каждый день. Класс разбивали на три группы, так что в группе было 9 или 10 человек, и с каждой группой занимался отдельный педагог. В школе был лингафонный кабинет²⁴ с катушечными магнитофонами, и уроки английского один или два раза в неделю проходили там. Англичанка ставила в магнитофон кассету, и дети слушали правильно произнесенный английский текст, а потом по одному его повторяли. Все «англичанки» в прошлом жили за границей с мужьями или работали с иностранцами. Они соревновались друг с другом в нарядах, прическах и духах.

К Новому Году дети готовили короткие выступления на английском языке: стихи, песни и короткие пьесы. А в третьем классе с ними стали заниматься профессиональные актеры, которые поставили «Приключения Чипполино» на английском. У Литы была небольшая роль Картошечки, роль Редиски – подружки Чипполино – отдали отличнице и красавице Наде Анцевой, мама которой работала на каком-то секретном заводе. Роль Чипполино досталась Сереже Сахновскому: он был настоящей звездой, потому что сыграл роль Сережи в фильме «Анна Каренина». Их учительница Лидия Николаевна иногда на уроках обращалась к Сереже и спрашивала: «Как ты играл? Как ты бежал к маме: пол, наверное, был холодный?» Сережа отвечал ей немногословно, что с ним на съемках была настоящая мама, а про пол он не помнит. Лидия Николаевна с обожанием смотрела на него, а Лита думала о нем как о маленьком принце, ждала редкие реплики Картошечки и мечтала, чтобы Сережа обратил на нее внимание. В пятом классе Сережу перевели в другую школу и это стало ее первым настоящим горем.

Мама Аня работала в Московском художественном театре костюмером. Ее коньком были женские платья старинных фасонов с высокой талией, узкой юбкой и квадратным вырезом или со сборками на талии и рукавами-буфами. Она сшила несколько платьев на кринолине с оборками и кружевами. В театре была небольшая зарплата – всего 85 рублей, и она старалась подрабатывать. Она шила на заказ вечерние платья актрисам и женам больших начальников. Мама Аня украшала платья вышивкой или чешским стеклярусом, и каждое такое платье становилось уникальным произведением искусства. Когда одна из ее клиенток – жена дипломата – завоевала в ее платье первое место на женском балу во Франции, ее популярность выросла. Она перешла в театре на половину ставки и стала брать больше частных заказов.

Будучи очень практичной женщиной, Анна Александровна в качестве платы за работу вместо денег часто просила отрезки ткани, мотки пряжи и продуктовые заказы. Так что благодаря ее ремеслу и практичности семья всегда была одета и накормлена. Когда Лите исполнилось 10 лет, она стала помогать маме Ане: вышивала гладью и ришелье, научилась вязать крючком и спицами. Под руководством мамы из принесенного женой дипломата голубого атласа и остатков белых кружев она сшила себе первое платье к новомуднему вечеру и стала одной из самых красивых девочек на школьном празднике.

Вместе они сшили костюм в подарок классной руководительнице Литы. Галина Петровна преподавала в школе биологию на две ставки, брала часы на классное руководство и, несмотря на зарплату в 120 рублей, жила в бедности и была плохо одета. Такого красивого костюма она никогда раньше не видела и с огромным удовольствием надевала его по праздникам, в театр и в гости. К Лите она относилась с особенной заботой не только в благодарность за подарок, но и потому что та была талантливой и воспитанной девочкой. И еще ей очень нравился ее отец.

Владимир Красицкий работал детским врачом в районной поликлинике. Красивый, статный, седовласый мужчина выглядел как постаревший белогвардейский офицер из фильма

²⁴ Специальное помещение, в котором установлена проекционная и звукотехническая техника.

«Бег» Алова и Наумова по Михаилу Булгакову или как директор издательства из фильма «Опасный поворот» Владимира Басова.

Он был всегда очень вежлив и корректен, на приветствие улыбался печальной улыбкой, но его глаза существовали как бы отдельно, а взгляд был холодным и потухшим. Он теплел только дома, когда разговаривал с Литой или когда Анна Александровна играла вальсы Шопена. В поликлинике шептались, что он был в тюрьме и ссылке и то ли реабилитирован, то ли помилован, то ли отсидел весь срок.

В канун праздников Владимир приходил в школу вместе с Анной Александровной, от души поздравлял Галину Петровну и дарил ей цветы или конфеты. Галина Петровна его втайне любила и жалела, а также недоумевала, как такая старая и совсем не красивая Анна Александровна могла быть матерью Литы.

К ним в дом часто приходили подруги Мама Ани из театра, потерявшие мужей на войне, а к отцу никто никогда не приходил: у него не было друзей в Москве. Мама Аня говорила, что все его друзья погибли на войне и умерли в Ленинградскую блокаду. И еще она однажды рассказала, что раньше, еще до тюрьмы и ссылки, у отца были жена и сын и что жена умерла, а сын пропал. Мама Аня показала ей старинный альбом с семейными фотографиями. Очень красивая молодая женщина в элегантном платье с ниткой жемчуга, который оттенял алебастровую кожу, и кудрявый большеглазый мальчик в брючках и курточке стояли возле отца, который на фотографии был таким счастливым и молодым, в шикарном темно-сером костюме с бабочкой, что Лита не сразу узнала его. Все улыбались, мальчик держал маму за край платья, а отец обнимал ее элегантно и нежно. Она спросила: «Это моя мама, которая осталась в тайге?» Анна Александровна сказала, что это первая жена отца и мама их сына Виталия и что она умерла давно – еще до рождения Литы: «Он назвал тебя в ее честь, поэтому у тебя такое редкое имя. Секлетя – это древнее русское имя, оно передавалось из поколения в поколение в семье первой жены твоего отца. Оно принесет тебе счастье». Лита плакала, ей было очень жалко отца, брата Виталия и его жену Секлету, но более она о них не спрашивала, потому что очень любила отца и чувствовала его боль как свою.

Прошло несколько лет, и однажды отец сказал: «Лита, тетя Аня стала твоей второй мамой, потому что в таком большом городе, как Москва, девочке нельзя без мамы. Мы оформили специальные документы, и теперь ты – ее дочь».

Москва, Ленинград 1974 год

«Скоро мы все вместе поедem в Ленинград, – однажды за воскресным обедом сказал Владимир. – Маме Ане удалось получить бронь в гостинице «Ленинград» на твои каникулы, Лита. Так что собирайтесь, поедem на неделю». Отец очень редко говорил о Ленинграде, и Лита подумала: «Он покажет мне город своей юности и квартиру, где они жили с Виталием и первой женой». Мама Аня купила для поездки большой кожаный чемодан. Ее клиентка – жена начальника главка из министерства – предоставила ей обкомовскую бронь на неделю на два номера в гостинице «Ленинград» на Пироговской набережной. Другая ее клиентка достала им три билета в вагон СВ поезда «Красная стрела». Поездка была запланирована на ноябрьские школьные каникулы, на которые приходилось празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Все граждане СССР знали, что Ленинград – это колыбель революции.

Мама Аня положила в чемодан теплые вещи, свитера, носки и вынула с антресолей зимнюю обувь. Она хорошо помнила, что в Ленинграде уже в октябре выпадает снег, который не тает до апреля.

«Красная стрела» традиционно отправлялась в 23 часа 55 минут, и мама Аня заказала такси по телефону на 22-30. «Такси опоздает, где-нибудь задержимся, от такси еще идти до вагона, так что в 22-30 в самый раз», – подумала она. Они приехали на Ленинградский вокзал за 50 минут до отправления и долго шли сначала до вокзала, а потом по старинным коридорам великолепного здания – творения архитектора Тона – к платформе, специально предназначенной для «Красной стрелы». Ровно за 40 минут до отправления показался электровоз и к платформе подкатил фирменный поезд с вагонами красного цвета. Проводники открыли двери и встали у входа в вагоны как часовые на посту.

Владимир пригласил их в СВ-вагон номер 7, который предназначался для номенклатурных работников и членов их семей. Элегантная проводница, облаченная в фирменное пальто и шапку-таблетку из серого каракуля, проверила документы и билеты и с особым почтением в голосе произнесла: «Добро пожаловать! Если вам что-то понадобится, пожалуйста, обращайтесь».

Клиентка мамы Ани, которая доставала им билеты, сказала, что они поедут в специальном фирменном купе с душем и раковиной. И, действительно, полки в их купе были одна над другой, а в углу рядом с окном располагалось кресло, так что можно было сидеть вдвоем за столиком у окна, наблюдать за быстро меняющимся пейзажем, пить чай или что-нибудь покрепче. Проводница с гордостью демонстрировала достижения советского железнодорожного люкса, и пассажиры с восхищением узнали, что в купе было не простое кресло и что оно отодвигалось, а под ним находилась небольшая раковина для умывания. Но самым диковинным в купе СВ был настоящий душ с горячей водой, который располагался между двумя соседними купе и походил на встроенный шкаф. Проводница раздавала специальные ключи для душевой двери, которая открывалась только тогда, когда замок душевой двери второго купе был закрыт. Соседи двух смежных купе с общим душем на одну поездную ночь становились почти родственниками – им предстояло познакомиться, пообщаться и установить расписание пользования душем в вечернее и утреннее время.

Нижняя полка купе СВ представляла собой роскошный бархатный диван темно-красного цвета. Верхняя полка была в полтора раза шире привычной поездной полки, ее матрац был очень мягкий, так что командированные в Москву номенклатурные ленинградцы засыпали крепким сном сразу после отправления «Красной стрелы». А избалованные номенклатурные москвичи любили посидеть в роскошном вагоне-ресторане, выпить вина или коньяка и съесть ростбиф или котлету по-киевски с воздушным картофельным пюре и половинкой крепкого

соленого огурца. Когда поезд подходил к Калинин (Твери), вагон-ресторан пустел, а жизнь в поезде замирала до утра.

Оркестр по вокзальному радио начал играть «Подмосковные вечера», и поезд медленно тронулся. Мама Аня с Литой устроились в роскошном купе и сразу же заснули, а Владимир, который ехал в купе вместе с весьма важным командированным, лежал на мягкой верхней полке и заснуть не мог. Завтра он будет в Ленинграде, Петрограде – городе детства, юности и огромного мало кому выпавшего счастья. Еще в ссылке, чтобы не сойти с ума, он заставил себя забыть арест и трагические события, которые за ним последовали. Но сейчас он разрешил себе вспомнить все до мельчайших подробностей, и тупая боль, всегда мучившая его внутри, вдруг стала такой невыносимой, что он застонал. Испугавшись разбудить важного командированного, он постарался взять себя в руки, но поезд приближался к Калинин, и Владимир почувствовал дыхание преисподней.

Ленинград, 1950 год

В 1950 году Владимир закончил исследования, необходимые для создания прививки от коклюша, и дописывал итоговую научную работу. Профессор Виноградов высоко оценил научные результаты работы Владимира и уже видел в нем своего преемника. «Исследования по прививке тянут не только на докторскую, но и на Нобелевскую премию», – говаривал профессор и с нетерпением ждал завершения работы.

Помощником Владимира был некто Александр Петрович Косой, выпускник кафедры профессора 1949 года. Александр Петрович, несмотря на то что учился в аспирантуре, был в лаборатории «на подхвате»: он «пробивал» необходимое для исследований оборудование, готовил краткое описание запрошенных Владимиром научных работ, следил за доступом посторонних в лабораторию и выполнял такое множество мелких полезных дел для всех, что слыл незаменимым в своей области. У Александра Петровича были большие амбиции насчет карьеры, и в ученом совете университета считали, что у него уже на выходе кандидатская. На самом деле у него не было даже публикаций, не то что готовой диссертации, а между тем второй год его аспирантского срока заканчивался. Чтобы иметь публикации, необходимо было вести научные исследования, а Александр Петрович посвящал все свое время общественной и партийной работе. Поэтому он все время как-то пытался подобраться к Владимиру с тем, чтобы он взял его соавтором в самую незначительную статью или даже депонируемую рукопись.²⁵ А Владимир искренне не понимал его намеков, но помощь принимал как должное, ведь кто-то должен был делать в лаборатории и работу такого рода.

Однажды Александр Петрович пригласил Владимира на рыбалку. Они тогда закончили серию испытаний и даже завершили проверку и оформление научно-исследовательской документации. А Владимир подумал: «А почему бы и нет. Съезжу, отдохну с ним пару дней на какой-то базе отдыха при Ленгорисполкоме».

Рано утром они встретились на Финляндском вокзале и через два часа прибыли на станцию Каннельярви. Распорядитель дома отдыха встретил их на станции и пригласил в специальный железнодорожный вагон, в который была переоборудована автодрезина. В вагоне было два отсека, один из которых представлял собой салон, а второй предназначался для машиниста и obsługi. Салон был обставлен роскошно: стены обтянуты темно-оливковым шелком с огуречным рисунком, потолок обит досками карельской березы, а большой диван и три кресла – темно-зеленым бархатом. Со стороны помещения для машиниста имелся буфетный шкаф из дуба с откидной доской для сервировки закуски. Салон освещался электрическими лампами, а большие окна обрамляли изящные шторы.

Дрезина отъехала от станции и свернула на однопутную боковую ветку. Они ехали по густому лесу, и стенки вагона соприкасались с ветками деревьев. Дрезина остановилась у озера, на берегу которого располагалось три коттеджа. Отдельно возле воды размещалась баня, из трубы которой валил дым. Их встретили две девушки, которые пригласили к накрытому столу позавтракать.

После завтрака Александр Петрович взял лодку и они отплыли от берега порыбачить. Настроение было отличное, погода солнечная и безветренная, рыба клевала. Вечером за обедом, уже после распитой бутылки коньяка, Александр Петрович, наконец, обозначил свою просьбу: «Владимир, вы очень известный ученый. А живете в коммуналке – это нехорошо, это нужно исправлять».

---

²⁵ Узкоспециальная работа, обычно в виде машинописного оригинала, находящаяся на хранении в библиотеке или информационном центре, которые информируют специалистов о ее наличии и выдают копии для изучения.

Владимир внутренне поежился. В бывшей комнате железнодорожного рабочего уже три месяца жил командированный в Ленинград партийный работник, что доставляло его семье немалые неудобства. Пока комната была закрыта и только его семья пользовалась кухней и ванной, было еще терпимо, хотя еще одна комната им бы не помешала: в семье подрастал сын. Но бронь с комнаты сняли и заселили командированного, и Владимир видел, как это не нравилось его матери. Хотя она и Секлета сдержанно улыбались и с партийным работником не ссорились, было видно, что он их стесняет.

– Все живут в коммуналках, мы живем как все.

– Но ведь раньше эта квартира принадлежала только вашей семье! – не унимался Александр Петрович. Владимир вспомнил, как отец рассказывал о том, что купил эту квартиру на приданое его матери еще до революции.

– А вы можете чем-то мне помочь?

– О да, у меня большие возможности. Есть человек – он решит вопрос о переселении вашего жильца, и тот с удовольствием поедет, потому что мы улучшим ему жилищные условия. Но у меня к вам будет маленькая просьба, которая вам совсем ничего не будет стоить. Вы ведь готовите к выпуску статью, так вот возьмите меня соавтором. Неловко получается: все в университете считают меня завхозом, а ведь я аспирант и тоже хочу защититься».

Владимир задумался: у него 50 научных работ, если он возьмет Александра Петровича соавтором, ведь с него не убудет. Да и дефицитное оборудование для экспериментов он на заводе достал. И они договорились.

Через месяц партийный работник с радостью переехал и они пригласили Александра Петровича на новоселье. Тот пришел не с пустыми руками, а подарил им холодильник ЗИЛ и пылесос, которые тогда были в дефиците. Мама просто сияла, но Секлета была напряжена и, когда они ложились спать, сказала: «Держись от него подальше, он мне не понравился».

Но Владимир и не думал заводить дружбу с Александром Петровичем. Он опять с головой ушел в научные эксперименты, а по вечерам и в выходные писал работу на соискание степени доктора биологических наук.

В октябре 1949 года начались аресты по «Ленинградскому» делу. Арестовали секретаря ЦК ВКП(б), бывшего первого секретаря Ленинградского обкома А. А. Кузнецова, первого секретаря Ленинградского обкома П. С. Попкова, второго секретаря Ленинградского горкома Я. Ф. Капустина, председателя Ленгорисполкома П.Г. Лазутина. Вместе с ними были арестованы высокопоставленные выходцы из Ленинграда: председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский и председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов.

В январе 1950 года для арестованных по «Ленинградскому» делу специально восстановили смертную казнь, а 1 октября 1950 года через несколько часов после приговора все они были расстреляны.

Владимира арестовали по доносу Александра Петровича Косого. Он написал о том, что Владимир неоднократно отдыхал и рыбачил в элитном охотничьем хозяйстве, ездил на комфортабельной дрезине, за взятку переписал командированного из своей квартиры и незаконно въехал в комнату, а также бесплатно получил от директора Ленинградского завода пылесос и холодильник. Следователей не смутила эта откровенная обвинительная чушь, и они с удовольствием и служебным рвением стали раскручивать Владимира как фигуранта «Ленинградского дела». В квартире провели обыск: нашли холодильник и пылесос. Проверили выписки из домовой книги и обнаружили, что бывший сосед Владимира переехал в маленькую, но отдельную квартиру, а его комната досталась семье Владимира.

Кто-то из сильно избитых фигурантов дела рассказал следователям о том, что Владимир действительно не раз отдыхал в элитном охотничьем хозяйстве и что его семья бесплатно получала продукты из столовой Ленгорисполкома. На основании этих показаний Владимир попал

под «чистку» городской и областной номенклатуры. Он получил 10 лет с правом переписки, его семья была выселена из города, а квартира конфискована.

Секлета с матерью и маленьким Виталием решили уехать в Саратов. Идти за билетами на вокзал они боялись и поэтому решили ехать на электричках. Сначала четыре часа ехали до Малой Вишеры, потом до вечера ждали электричку до Акуловки в ледяном павильоне. Там их пустил переночевать сердобольный железнодорожник, спали они на полу возле буржуйки. Рано утром на первой электричке добрались до станции Бологое. В вагоне было очень холодно, и Секлета, как могла, согревала маленького Виталия и мать, которой отдала пуховый платок.

В электричке Бологое – Калинин мать поняла, что с Секлетой творится что-то неладное. Она вся горела, глаза лихорадочно блестели, а дыхание было тяжелым и прерывистым. «Только бы доехать до Калинина», – думала мать, но поезд ехал еле-еле. Когда к ночи они добрались до Калинина, Секлета была уже без сознания и ослабевшая мать позвала на помощь милиционера, который завершал обход вагонов электрички. Тот на старом милицейском газике довез их до больницы. Врачи поставили страшный диагноз – легочная чума и поместили Секлету и мать в отдельный бокс. Маленького Виталия утром перевезли в детскую больницу без каких-либо документов.

Через два дня Секлета умерла на руках у матери. Сердобольный милиционер приехал в больницу проведать их, узнал ужасные новости и решил как-то помочь пожилой женщине и ее внуку. Из бессвязной речи матери он понял, что у нее есть сестра в Москве, по своим каналам раздобыл ее адрес и телефон. Анна Александровна примчалась в Калинин, но сестру в живых не застала. «Ребенок, с ними был маленький ребенок», – повторяла Анна Александровна сначала в милицейском участке, потом в кабинете главврача детской городской больницы. Но никто ничего не знал. Анна Александровна вместе с милиционером объехала все больницы, детские приемники и санатории – Виталия нигде не было. Потом, собрав последние силы, она решила похоронить Секлету и сестру на Волковском кладбище Ленинграда рядом с отцом Владимира. Она подняла все связи погибшего на войне мужа и получила разрешение. Священник кладбищенской церкви святого Иова провел обряд отпевания, а когда Анна Александровна поставила крест на общей могиле, ей стало немного легче.

Через год она получила первое письмо от Владимира из тюрьмы и в ответ, обливаясь слезами, написала о страшных событиях, которые постигли их семью. Она не переставая искала Виталия, посылала запросы в разные инстанции, но все без толку: в послевоенном СССР было много разрушенных семей и потерянных детей.

В 1955 году некоторых участников «Ленинградского дела» реабилитировали. Воодушевленная этими событиями Анна Александровна стала писать во все инстанции и ходить на прием к начальникам. Она говорила о заслугах своего мужа и просила за племянника. Кто-то из начальников сжалился, и Владимира в 1957 году перевели на поселение в поселок Луговской Тюменской области.

Москва, 1975 год

Владимир вернулся из Ленинграда в подавленном состоянии. Он заметно похудел, почти не спал и все время думал о Секлете. Ради любимой дочери он брал себя в руки и был дома отменно вежлив и приветлив. Но силы оставляли его, и ранней весной он понял, что умирает и навряд ли доживет до осени.

Перед смертью он решил описать историю своей жизни для дочери и сына Виталия. Он наверняка знал, что его сын жив и что они с Литой обязательно найдут друг друга. Каждый вечер он описывал счастливые и тяжелые моменты своей жизни, и это придавало ему сил. Анна Александровна уже стала думать, что болезнь отступила. Но однажды в воскресенье после чая, когда Лита ушла на день рождения к своей лучшей подруге, Владимир решился на тяжелый разговор:

– Анна, я умираю. Я врач и знаю это наверняка. Я прошу вас выполнить мои последние просьбы. В этой тетради я написал историю моей жизни для Литы и Виталия. Когда Лите исполнится 16 лет, отдайте ей тетрадь. Там я честно написал и о ее матери – она должна об этом знать.

Анна Александровна не пыталась прерывать его, лишь украдкой смахивала душившие ее слезы.

– Я не хочу умирать дома при вас и моей дочери, – продолжал Владимир, – ей не нужно видеть меня таким. Я уже договорился с главврачом 24 городской больницы: он обещал помочь, ведь я когда-то в ссылке спас его брата. Скажем ей, что у меня болит сердце и что ничего серьезного нет. Отправьте ее в хороший пионерский лагерь, вы же можете это устроить?

– Я все сделаю, как вы просите, Владимир, – ответила Анна Александровна и не узнала своего голоса. – Я буду молиться за вас. За Литу не переживайте, я буду с ней рядом до последнего вздоха.

– И у меня еще последняя просьба – похороните меня рядом с Секлетой и родителями, – и лицо Владимира просветлело. Анна Александровна поняла, что мыслями Владимир был уже со своей любимой женой.

Она устроила все так, как просил Владимир. Ее клиентка отправила Литу в лагерь с детьми работников МИДа. Рано утром Владимир один провожал дочь до автобуса, который уходил от Смоленской площади. Он попрощался с ней спокойно и ласково, говорил, что будет писать, просил, чтобы писала она. Он долго стоял и смотрел вслед удаляющейся колонне автобусов. И, когда колонна скрылась за поворотом, его лицо озарилось светом.

«Я сделал все, что мог в этой жизни, для нее, – подумал Владимир. – Но все когда-то кончается. Очень жаль, что она выйдет замуж и родит детей уже без меня», – и он опять подумал о том, как хорошо было бы, если бы нашелся его сын Виталий.

Вечером Анна Александровна накрыла стол и приготовила любимые блюда Владимира: сациви из курицы, хачапури и грузинский салат из свежих помидоров. А на следующее утро они вместе поехали в 24-ю городскую больницу.

Когда она принесла ему в больницу куриный бульон и увидела его, то не сразу узнала: так он изменился всего за один день. Щеки опали, а на лице отразилась страшная боль. Лечащий врач сказал Анне Александровне: «У Владимира последняя стадия рака. У него должны быть чудовищные боли. Мы делаем обезболивающие уколы, но я не знаю, насколько они могут помочь ему. Вам нужно крепиться и быть готовой ко всему».

Главный врач 24-й больницы думал, как бы лучше устроить Владимира, который был спасителем его брата. Ново-Екатерининская, или 24-я больница, находилась в старинной усадьбе

князей Гагариных, в которой в первой половине 19 века располагался Английский клуб.²⁶ Эта усадьба была знаменита тем, что именно ее описал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». Старый граф Илья Ростов в парадной зале этой усадьбы устраивал обед в честь завершения русско-австро-французской войны 1805 года. А Пьер Безухов во время обеда вызвал на дуэль Долохова – любовника своей жены Элен.

В огромной парадной зале усадьбы располагалась самая большая больничная палата. В этой бальной зале на отдельном этаже было место для оркестра, именно туда поместил Владимира главный врач. Он поставил ширмы так, что Владимир оказался в отдельном боксе.

Под действием лекарств Владимиру становилось легче. Ему, как в детстве, стало казаться, что он летает над Мойкой. Но сейчас он захотел чего-то большего и впервые в полусне отбросил все страхи и полетел над Невой. Он пролетел над зданием Двенадцати Коллегий, над Биржей, над Дворцовым мостом и вылетел на Невский. Он вспомнил, как перед его первой в жизни ночью любви они вместе ехали от Московского вокзала к Университету именно этим маршрутом и как потом полуголодные, но абсолютно счастливые шли домой.

И вдруг время как бы сместилось и Владимир с балкона увидел бальную залу, освещенную множеством свечей. Он очень хотел, чтобы выстрелила пушка, но слышались звуки старинного вальса, и Владимир явственно вспомнил Саратов и вечер в честь юбилея Университета. Когда он открыл глаза, то увидел, что его жена Секлета шла по пустой освещенной свечами бальной зале, одетая в скромное суконное платье с огромным белым кружевным воротником навстречу своей маме и профессору Виноградову. Она протянула к нему руки, и он с радостью бросился в ее объятия.

Анна Александровна приехала за Литой посреди лагерной смены с печальными новостями. После кремации в их доме собрались немногочисленные гости на поминки. А потом они захоронили урну на Волковом кладбище в Ленинграде и заказали панихиду в Николо-Богоявленском соборе, который один из немногих не закрывался в Ленинграде в советский период.

---

²⁶ Первый в [Россииджентльменский клуб](#), центр дворянской общественной и политической жизни. В XVIII—XIX вв. славился обедами и карточной игрой, во многом определял общественное мнение.

Москва, Литва 1975 – 1977 годы

Чтобы как-то скрасить горестное лето 1975 года Анна Александровна решила повезти Литу путешествовать. Они отстояли панихиду по Владимиру на 40-й день в храме Воскресения на улице Неждановой (Брюсов переулок) и вечером следующего дня сели в поезд Москва – Вильнюс, оставив любимого Барсика на соседку.

Вильнюс поразила ее: он разительно отличался от советских городов. Здесь и там преимущественно звучала литовская и польская речь, так что казалось, что находишься не в советском Вильнюсе, а каком-то древнем скандинавском городе. Жители говорили по-русски с красивым прибалтийским акцентом и с русскими, или советскими, были прохладно вежливы, всем своим поведением показывая им, что они, литовцы, другие, а Вильнюс вовсе не советский, а европейский город. Удивляло и то, что почти все литовцы были верными прихожанами костелов – католических церквей, которые не закрывали в советский период.

Они посетили вечернюю службу в главном католическом костеле города – святых апостолов Петра и Павла. Снаружи костел не представлял ничего особенного, но внутри его роскошь поражала воображение. Стены и купол были унизаны лепными фигурами святых, их количество впечатляло. Костел освещала люстра в виде корабля. В нем было десять алтарей, главным был алтарь во имя святых Петра и Павла, а алтарь Иисуса Антокольского, по древним преданиям, обладал чудотворной силой. Во время мессы звучал орган и многоголосное пение хора придавало богослужению торжественность и величие. Лита расплакалась: она все время думала об отце.

На следующий день они посетили башню Гедимина и Тракайский замок, который находился недалеко от Вильнюса и недавно был восстановлен из руин в соответствии со специальной программой восстановления культурного наследия СССР. А вечером они гуляли по старому городу и зашли в маленький немецкий ресторан на Кафедральной площади, где отведали настоящие свиные ножки. Да, Вильнюс того времени для советских людей был настоящим Западом.

Через два дня они поехали в Каунас на электричке. И этот второй по значению город Советской Литвы ей тоже очень понравился. Там был небольшой старый город и свой, Каунасский замок.

Она долго стояла в музее Микалоюса Константинаса Чюрлениса перед картиной «Истина». Звучала музыка Чюрлениса, который был выдающимся художником и композитором, и под эту музыку картина оживала. На ней изображен человек со свечой, в пламени которой сгорают ночные мотыльки. Лита подумала о том, какая горячая эта истина. Человек на картине слегка улыбался и глядел свысока и полуобернувшись на мотыльков, которые сгорали от неспособности вынести огонь истины.

Она вспомнила и загадочную улыбку Моны Лизы великого Леонардо, которую она год назад видела на выставке в Пушкинском музее в Москве. После обеда они пошли в музей чертей и узнали, что это единственный такой музей в мире.

Анна Александровна хотела отдохнуть и покататься в Ниде – литовском поселке на уникальной Куршской косе²⁷. Они из Каунасса добрались на автобусе до Клайпеды, а оттуда на пароме перебрались на косу. У остановки парома их встретила разъездная машина санатория, куда они купили путевки. На Литу произвела впечатление дорога до Ниды: вековые сосны обрамляли узкую дорогу, им попадались грибники, корзины которых были полны белых и маслят.

---

²⁷ Узкая и длинная [песчаная](#) полоса [суши \(коса\)](#) [саблевидной](#) формы, отделяющая [Куршский залив](#) от [Балтийского моря](#). Из-за уникальной природы включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В санатории их поселили на втором этаже в мансарде деревянного коттеджа. Коттеджи в санатории были покрашены в разные веселые цвета, их коттедж был голубого цвета, а столовая располагалась в коттедже лимонно-желтого цвета.

Литу ошеломил живописный пейзаж Куршской косы, она часами разгуливала в одиночестве по дюнам и частенько поднималась на самую высокую из них – Дюну Парнидиса. Анна Александровна не волновалась и отпускала ее, ведь одним из главных преимуществ жизни в СССР было практически полное отсутствие преступности – путешественники могли без страха останавливаться в любых местах, особенно на курортах.

В Ниде был местный маленький рынок, на котором продавалась сыровяленая свинина, свежая рыба, овощи, изделия из янтаря, которым славятся Прибалтика и Калининградская область, и литовская шерсть для вязания. К 1975 году в Москве уже наблюдался дефицит на отдельные виды продуктов и промышленных товаров, а в Советской Прибалтике было все: от первоклассной молочной продукции, мяса и рыбы до модных трикотажных вещей. Последние тогда были очень популярны в Москве и приравнивались к дефицитным товарам из стран Восточной Европы: ГДР, Болгарии и Югославии.

Практичная Анна Александровна купила для Литу литовскую шерсть трех натуральных цветов: белую, коричневую и серую. Из белой шерсти она хотела связать ей кардиган и зимнюю шапочку, а из остальной – роскошный теплый свитер с норвежскими звездами. Она предусмотрительно перемотала нитки в клубки и начала вязать, чтобы успеть с обновками к началу учебного года.

Из поездки они вернулись на самолете: Клайпеда была наимоднейшим летним курортом в СССР, и в Москву летало по 3-4 рейса в день.

В московской квартире без Владимира было тягостно и пусто, но они старались поддерживать друг друга, а в тяжелые минуты или в памятные дни заказывали в храме Сорокоуст. Лита решила соблюдать траур по отцу и по этой причине не хотела идти в школу первого сентября в белом фартуке. Анна Александровна встретилась с классной руководительницей Литу – Галиной Петровной, которая очень расстроилась из-за смерти Владимира и поддержала девушку в этом желании.

В этот год Лита пришла в школу 2 сентября, надев коричневое форменное платье с черным фартуком, которое Анна Александровна из-за семейного траура отделала черным вологодским кружевным воротником. Она очень изменилась за лето: сильно выросла и еще больше похудела. Ее тонкие волосы выгорели на прибалтийском солнце, и пряди у лица стали совсем светлыми. На коже красовался особенный медный загар, который, по мнению советских знатоков курортной жизни, был изысканнее и прочнее ялтинского и тем более сочинского. Она была ослепительно хороша, а траурное платье делало ее утонченной и загадочной. Одноклассники и особенно десятиклассники уже заглядывались на нее и искали ее внимания.

Вадим Третьяков был самым красивым парнем 10Б класса. Из толпы одноклассников его выделяли не только красивое лицо и высокий рост, но и какая-то независимость и абсолютная уверенность в своем успехе. У него были великолепные оценки по всем точным и естественным наукам: математике, физике, химии и биологии. Он побеждал или становился призером районных и городских олимпиад по математике. Но он преуспевал и в английском. Своим одноклассникам он говорил о том, что поступит в Физтех на прикладную математику, потом закончит аспирантуру и будет работать в Стекловке (Математический институт имени В. А. Стеклова академии наук СССР) и руководить собственной математической школой. Такие амбициозные планы на жизнь поражали одноклассников и привлекали к нему одноклассниц, и некоторые из них были готовы на многое, чтобы быть рядом с ним. Так он одерживал одну победу за другой, и в школе шептались о том, что он уже лишил девственности несколько десятиклассниц и девятиклассниц.

Однажды он обратил внимание на Литу и решил, что неплохо бы и ей заняться. Так как она не ходила на школьные вечера из-за траура, он стал искать встреч с ней после уроков и однажды вежливо предложил проводить ее. Они стали встречаться и иногда по воскресеньям гуляли по Москве, для чего Вадим специально приезжал из Черемушек в центр. Одним воскресным вечером она пригласила его на чай, и он был поражен обстановкой и обычаями их дома. Строгая и изысканная Анна Александровна угощала его чаем с домашним печеньем, а потом они по очереди играли Шопена и Бетховена. И Вадим решил для себя, что она его достойна.

Однажды он прямо сказал ей:

– Лита, ты мне нравишься. У меня большое будущее, и, если ты будешь добра и ласкова со мной, то по окончании Физтеха мы поженимся. А сейчас предлагаю отбросить всякие предубеждения и вести себя как свободные люди. Я за свободную любовь.

Ее ответ его немало удивил и озадачил:

– Я тоже за свободную любовь. И я, как свободная девушка, выбираю любовь платоническую, всякие другие отношения с молодыми людьми меня пугают. Я хочу пожить для себя. И потом на Физтехе тебе учиться шесть лет, так что до предполагаемой свадьбы еще целая жизнь.

Такие отношения никак не устраивали Вадима. Он решил на время вернуться к своей давней поклоннице – однокласснице Ире Рузаевой. Та была покладиста, послушна и ни в чем ему не отказывала. «Ничего, – думал Вадим, – поревнует и сама прибежит, как это делали другие девочки до нее».

Шло время, но Лита не «прибегала». Она всегда была с ним вежлива и приветлива, а когда он вновь предложил сходить куда-нибудь вместе в воскресенье, она отказалась, сказав, что проведет этот день с мамой.

Лита долго думала о будущей профессии: она не знала, кем хочет стать. И по совету Анны Александровны она решила поступать в педагогический и работать учителем английского языка в школе или техникуме. Больше всего ей нравился свободный график учителя, потому что если повезет, то можно работать четыре дня в неделю по четыре часа, а остальное время посвящать дому и стареющей маме.

Она закончила школу с высоким средним баллом аттестата – 4,9 балла. Это давало ей возможность сдавать только два вступительных экзамена (русскую литературу и английский язык) в Педагогический институт на факультет английского языка. Без труда справившись с ними, она была зачислена на первый курс факультета английского языка Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Москва, 1978 год

В июне 1978 года в советской Москве произошло нечто невероятное: в центральном выставочном зале московского Манежа открылась персональная выставка художника Ильи Глазунова. До этого тоже были культурные события союзного масштаба – показывали Джо-конду в Пушкинском и привозили непонятного Чюрлениса²⁸ в Третьяковку. Такое искусство в СССР всегда было в почете.

Выставка Ильи Глазунова с его особенной русской темой и очень откровенными политическими и историческими картинами стала настоящей бомбой в коммунистической Москве. Огромные очереди целыми днями опоясывали здание московского Манежа, и это вызывало немалое удивление, ведь совсем рядом на Красной площади другая такая же по длине «вечная» очередь стояла в Мавзолей к вождю.

Смелые картины художника обсуждали на московских кухнях. Осведомленная столичная общественность пересказывала огромную «Мистерию XX века», которую не давали показывать по политическим соображениям: там «все уместилось, даже [Троцкий](#), убитые царь с царевичем Алексеем и [Солженицын](#)»²⁹. Светские львицы советской Москвы обсуждали его изысканный брак с художницей Ниной Виноградовой-Бенуа, его московскую квартиру и некоторые детали быта. Наибольший интерес вызывало то, что в его доме не принято готовить и что жена совсем не занимается хозяйством – все делают домработницы. Так как он жил на Арбате, недалеко от ресторана «Прага», всю еду для его семьи готовили в этом ресторане, а домработницы ее приносили и подогревали. Сердобольные пожилые москвички из бывших (дворян) обсуждали его трагическую судьбу, ведь ребенком он пережил блокаду Ленинграда и все его родные умерли.

Лита вместе со своей лучшей подругой Мариной Присяжнюк решили обязательно пойти на выставку. На связи Анны Александровны они не надеялись, потому что она старела и уже почти не брала заказы, а кому из ее номенклатурных приятельниц она была интересна без своего ремесла? И подруги решили стоять очередь. Договорились, что Лита будет дежурить с 4 до 6 часов утра, потом ее сменил Марина и отдежурит до 8 утра, а дальше до 10 часов – времени открытия выставки – они будут стоять вместе. После 8 утра длина очереди превышала мавзолейную и толпа становилась особенно агрессивной: зазеваешься – и не попадешь на модную выставку.

Без пятнадцати четыре утра Лита вышла с улицы Неждановой (Брюсов переулок) и пошла по улице Герцена (Большая Никитская улица) к площади 50-летия Октября (Манежная площадь). У входа на выставку уже стояла небольшая толпа энтузиастов, которые, вероятно, дежурили с самого вечера. Часы на Спасской башне прозвонили пять, потом шесть, и пришла Марина. Лита пошла домой позавтракать и переодеться: в СССР было принято ходить на выставки и в театры нарядившись.

На выставке поражало все: иллюстрации к произведениям Достоевского и Лескова, картины блокадного Ленинграда, изображения русской природы и городского пейзажа. До глубины души трогали голубые бездонные глаза его героев, с льдинкой и поволокой.

Много народу толпилось у «Возвращения блудного сына», на которой молодой парень в джинсах – сын безбожников-коммунистов – тянется к Святому Духу и ликам русской духовности: от Серафима Саровского до Рахманинова. И вообще, изображение на картине парня в

---

²⁸ Литовский художник и композитор. Он нарушил закон толпы, закон, которым никогда не поступится толпа и по которому всякий говорящий должен говорить понятно. В большинстве своём зритель считает, что картина Чюрлениса всё равно непонятна.

²⁹ Из публикации о картине Дмитрия Хмельницкого.

американских джинсах, которые можно было или купить в «Березке» за чеки Внешпосылторг или у проверенного фарцовщика (спекулянта) или привезти из-за границы, само по себе знаменовало свободу и несоветскость.

Большущий альбом репродукций, несмотря на его дороговизну, было не купить. В залах многие щелкали фотоаппаратами, но качество фотографий было плохим из-за того, что света недостаточно и советская пленка была черно-белой, а цветную пленку тогда в обычных магазинах не продавали.

Лита была настолько всем этим поражена, что не хотела уходить, хотя Марина уже устала и ушла домой. Она прошла по залам еще несколько раз и не находила слов, чтобы описать свои впечатления. На деревянном круглом столике лежала огромная книга для отзывов. В 1978 году компьютеры были только в специализированных вычислительных центрах или научных учреждениях, а Интернет и вовсе еще не изобрели, так что книга отзывов являла собой прообраз современной социальной сети. Она присела на краешек стула, который в одиночестве стоял у стола с книгой отзывов, готовая в любой момент встать и уступить этот единственный стул кому-то более искушенному в искусстве, чем она.

Он подошел к ней и спросил:

– Можно присесть рядом с вами?

– Да, пожалуйста.

Она подняла голову: молодой человек заинтересованно смотрел на нее блестящими светло-карими глазами и приветливо улыбался.

– Можно мне почитать вместе с вами? Что там пишут?

– Многие ругают, пишут, что это не картины, а мазня.

– А вы сама что думаете?

– Мне очень понравилось, я никогда прежде такого не видела.

– Мне тоже очень нравится, давайте вместе напишем что-нибудь хорошее.

И они написали о том, что им понравились иллюстрации к русской классике, картины о блокадном Ленинграде и также картины про рабочих с БАМа.

– А «Возвращение блудного сына» вам понравилось?

– Я не совсем поняла эту картину, потому что не знаю всех, кто на ней изображен.

Ее искренность и непосредственность поразили его. Какая красивая девушка и совсем еще невинная! Ему уже порядком надоели подруги из университета, многие из которых были вульгарны и доступны.

– Хотите выпить кофе? Здесь, в университетском кафе, варят неплохой кофе.

Они перешли площадь и оказались в сквере старого здания Московского университета. К ее удивлению, их пустили по его пропуску и он провел ее в профессорскую кофейню, где не только варили хороший кофе, но и предлагали отменную выпечку: пироги с капустой, мясом и курагой.

– Меня зовут Игорь. А вас?

– Я Лита.

– Очень красивое имя.

Он не спросил ее, откуда такое имя. Он все время улыбался, и яркий блеск его глаз завораживал ее. Никогда раньше так ей никто не нравился – она краснела, при разговоре сбивалась, иногда заикалась, но все это было ему внове и поэтому так влекло.

– Давайте пойдем с вами в театр. Куда вы хотите? На Таганку? Может быть, сходим на «Гамлета» или на «Мастера и Маргариту»?

Достать билеты на Таганку в то время не могла даже Анна Александровна.

– Я хочу на «Мастера и Маргариту», если это возможно.

– Театр скоро уезжает на гастроли, но мне кажется, в этом сезоне будет еще один спектакль. Я постараюсь что-нибудь придумать. Мне нужно сегодня поехать к родителям, так что я

скоро должен откланяться, – сказал он и нежно посмотрел на нее. – Пожалуйста, дайте мне ваш телефон. У меня сейчас телефона нет, я живу на новой квартире. Я обязательно вам позвоню.

Он довел ее до угла улицы Герцена и, не спросив, где она живет и куда сейчас пойдет, растворился в толпе.

Москва 1978 год (продолжение)

Лита вернулась домой в сияющем настроении и стала ждать. Но Игорь не звонил. Прошло уже три дня, она все сидела дома и не отходила от телефона. В институте заканчивалась весенняя сессия. Раньше они с Анной Александровной планировали поехать в Крым на летние каникулы, но сейчас она никуда не хотела.

– Я пока побуду в Москве, – говорила она маме Ане. А Игорь все не звонил, прошло уже семь дней со времени их знакомства на выставке.

И, наконец, на восьмой день в четыре часа пополудни раздался звонок.

– Привет, это Игорь. Как ты?

– У меня все хорошо, – ее голос дрожал.

– Я не знал, получится ли что-нибудь с Таганкой. Вот только что решилось: мне принесли билеты на завтра. Но хочу тебе сказать, что там и бельэтаж, и второй ряд, и места с краю. Больше ничего не было, так что я не знаю, как поступить. Мы пойдем на «Мастера и Маргариту»?

«Конечно, пойдем, как он может об том спрашивать. Я готова идти с ним на любой спектакль, лишь бы быть вместе», – пронеслось в голове Литы.

А в трубку она сказала:

– Я так давно хотела пойти на Таганку, что согласна на любые места, даже на откидные.

– Ну, слава Богу, у нас нормальные места. Тогда до встречи! Увидимся завтра у театра в половине седьмого. Я буду вас ждать, – и он положил трубку.

От радости сердце выпрыгивало из груди: какое счастье, что он, наконец, позвонил и они увидятся. Она стала думать, какое платье лучше надеть: ей было из чего выбрать, ведь благодаря Анне Александровне у нее был обширный модный гардероб. Июльскими вечерами в Москве было прохладно. Дождя не ожидалось, поэтому Лита выбрала платье-рубашку в сиренево-серо-серебристую полоску, которое Анна Александровна скопировала с модели Кристиана Диора. Чтобы не замерзнуть вечером, она накинула на плечи связанный крючком из литовской шерсти серый палантин. Свой наряд она дополнила клатчем, который сама вышила переливающимся бисером оливковых цветов. Такой наряд привлек бы внимание и сегодня, а в 1978 году, в эпоху дефицита, Лита выглядела ослепительно. А когда она распустила струящиеся пепельные волосы и они упали ниже пояса, она стала похожа на древнегреческую богиню.

Уже в метро у нее стали спрашивать лишний билет. Несмотря на то, что спектакль шел через день 15 раз в месяц, на него было не попасть. Билеты на Таганку вообще продавались у спекулянтов за чеки Внешпосылторга, а на отдельные спектакли, к которым в 1978 году относился «Мастер и Маргарита», за билет давали двойную цену в чеках, и в рублях билет мог стоить в 6-10 раз выше номинала.

Игорь ждал ее у театра в элегантном светло-сером костюме и белоснежной рубашке. Он взял ее за руку и повел сквозь толпу жаждущих «лишний билетик». Когда они вошли в фойе, Лита поняла, что он здесь завсегдатай: с ним многие здоровались, а на нее смотрели оценивающе.

– Давайте слегка перекусим, – он увлек ее в буфет, где угостил бутербродом с дефицитной красной икрой и чашкой кофе.

– Кстати, а вы читали эту величайшую книгу?

– Я читала, но не все поняла, – смутилась Лита. – Моя мама приносила книгу, напечатанную на пишущей машинке, всего на два дня, так что у меня было мало времени, чтобы ее прочесть.

– Это большой пробел! Я подарю ее вам на день рождения. Кстати, когда у вас день рождения?

– 28 октября.

– И вам исполнится девятнадцать?

– Нет, в этом году мне будет восемнадцать.

– Какой прекрасный нежный возраст, – произнес Игорь, улыбаясь своей лучезарной фирменной улыбкой.

Спектакль шел в бешеном темпе с двумя небольшими антрактами и продолжался до половины одиннадцатого. Литу поразила атмосфера свободы, а когда Маргарита, которую играла Нина Шацкая, в сцене бала у Сатаны вышла обнаженной, у нее перехватило дыхание. В Советском Союзе 1978 года девушки получали пуританское воспитание и «секса не было». Эта знаменитая фраза была произнесена на телемосте несколькими годами позже, но она точно отразила суть советского воспитания. Многие девушки выходили замуж невинными, а отношения до свадьбы были не частыми: обществом строго не осуждались, но и не поощрялись.

Он поехал провожать ее на метро, а когда на Пушкинской она сказала, что у метро ее встретит мама и что она не разрешает ей ходить по улице Горького (улица Тверская) после 11 часов одной, он заулыбался и стал прощаться:

– Я тебе позвоню, и мы обязательно куда-нибудь еще сходим, – с этими словами он поцеловал ее в щеку и заторопился к пришедшему поезду.

Он не позвонил ни в июле, ни в августе. Лита летом не уехала из Москвы. Она много читала, вязала себе осенне-зимний гардероб, ходила в Пушкинский и Третьяковку. Но, главным образом, она ждала его звонка.

Наступил сентябрь и вместе с ним холодные и слякотные дни ранней московской осени. В институте начались занятия. Когда она почти успокоилась и перестала ждать, раздался телефонный звонок. Без какого-либо энтузиазма она сняла трубку:

– Привет, это Игорь. Я только приехал из Сибири из стройотряда. Как ты?

– Привет, я хорошо.

– Ты куда-нибудь ездила летом? Я звонил летом, но никто не подошел. Я думал, что ты уехала с мамой на юг.

– Нет, я была с мамой в Москве.

– Ты знаешь, в повторном (кинотеатре повторного фильма)³⁰ завтра вечером идет «Солярис»³¹. Ты что-нибудь слышала об этом фильме? Давай пойдем.

И хотя она злилась на него и в мыслях хотела отказаться, но спокойно и достаточно тепло ответила:

– Да, давай сходим. Я что-то слышала об этом фильме, но книгу не читала.

– Да, хорошо. Фильм идет на последнем сеансе в восемь вечера. Встретимся на улице Герцена в 19-45? Скажи маме, что фильм длинный, идет больше трех с половиной часов, пусть не приходит раньше половины двенадцатого.

Премьера научно-фантастического фильма «Солярис» великого Тарковского состоялась в январе 1973 года. Советская интеллигенция приняла его с восторгом. Нравилось все: и музыка Баха, и картины Брейгеля, и философские дискуссии героев, которые обращались к именам Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Мартина Лютера, к произведению Гете «Фауст» и идеям Фридриха Ницше. Впечатляло международное признание фильма: призы на международном Каннском кинофестивале и приз на кинофестивале в Карловых Варах. Наиболее преданные поклонники творчества Тарковского говорили о том, что он снял не Станислава Лема, а Федора Достоевского. Самому Лему фильм категорически не понравился из-за его ярко выра-

---

³⁰ Работал до начала 1990-х годов. Популярный в СССР кинотеатр, где показывали ограниченные в прокате по причине идеологического содержания советские и зарубежные фильмы.

³¹ Научно-фантастический фильм Андрея Тарковского, выпущенный в 1972 году по мотивам одноименного романа Станислава Лема.

женной русскости. Он писал книгу о науке, а получился философский фильм о чувствах православных героев, о совести, которой неожиданно предстает безбрежный океан Соляриса.

Фильм сложно восприняли простые люди: советские рабочие и крестьяне. Они не поняли затянутости и философского значения отдельных сцен. Некоторые смеялись на фильме очень невпопад, чем раздражали аудиторию интеллигенции, а большинство в знак протеста уходило с фильма примерно после сорока минут действия под звуки кантаты Баха.

Нужно сказать, что создание фильмов в Советском Союзе финансировало государство и не все фильмы в принципе окупались. Фильмы Андрея Тарковского окупались на 80-90 процентов, что было вполне приемлемо при том, что все они получали международные призы. Но прокатная киношная деятельность в СССР так или иначе должна была приносить кассу, поэтому «Солярис» не демонстрировался на широких экранах с момента премьеры, а шел иногда в «Иллюзионе» или кинотеатре повторного фильма. Любители Тарковского ловили эти моменты, перезванивались, выкупали билеты, и, к удивлению прокатчиков, на всех сеансах были аншлаги.

Кинотеатр повторного фильма, или, как его называла советская интеллигенция – «повторный», находился в здании на углу улицы Герцена (Большая Никитская улица) и Суворовского (Никитского) бульвара в дворянской городской усадьбе, пережившей пожар 1812 года. Вход и кассы кинотеатра были на первом этаже рядом с популярной у «гостей с юга» шашлычной «Казбек». В небольшую парадную залу второго этажа шла истертая мраморная лестница. Там перед сеансами работал буфет, а иногда выступали музыканты. Уютный зал кинотеатра с рядами недорогих откидных кресел вмещал не более 200 человек, что создавало камерную, политеатральную обстановку.

Игорь как всегда был ласков и приветлив, улыбался, рассказывал про Сибирь и работу в стройотряде, и Лита еще сильнее увлеклась им. Во время фильма он держал ее за руку, что было очень изыскано и полностью соответствовало ее представлению об отношениях девушки с молодым человеком. Фильм поразил ее, и она мысленно объединила Игоря, «Солярис» и «Мастера и Маргариту» и все свои положительные эмоции приписала только ему.

А когда через неделю он пригласил ее на прогулку по Москве, она уже его глазами увидела и Пионерские (Патриаршие) пруды, и квартиру Воланда на Большой Садовой 10 (дом 302-бис), и особняк Маргариты на улице Алексея Толстого (улица Спиридоновка). Она была уже влюблена и счастлива.

29 октября Игорь участвовал в праздновании 60-летия комсомола (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи), проходившем во Дворце Съездов. А потом он уехал на выездную комсомольскую конференцию в Подмосковье. Так что встретиться и отметить ее день рождения они смогли только 3 ноября. Он пригласил ее в кафе-мороженое «Космос», которое находилось в доме 4 по улице Горького.

На втором этаже располагался огромный зал с окнами на улицу Горького, декорированный стеклянными орнаментами планет Солнечной системы и космического небосвода. В меню, помимо чая и кофе, предлагались мороженое, соки, пирожные и советские коктейли. Они заказали персиковый сок, коктейль «Шампань-коблер», мороженое «Космос» и кофе. Он подарил ей «Мастера и Маргариту» первого советского издания без купюр 1973 года, которое при советском книжном дефиците была настоящей жемчужиной.

– Ты никогда не была у меня. Поедем, посмотришь, как я живу, – предложил он, как всегда лучезарно улыбаясь и нежно глядя ей в глаза.

Лита была на седьмом небе от счастья.

– Конечно, поедем, – сказала она и подумала: «Мне так хорошо, что я готова ехать с тобой на край света».

У Игоря была однокомнатная квартира в районе метро Полежаевская, которая по советским меркам выглядела стильно. В прихожей висело огромное чеканное панно с запряженной

тройкой лошадей, на кухне – иконы с изображениями Христа, Николая Чудотворца, Божьей матери Казанской и Божьей матери Новгородской. А стены комнаты были увешаны чеканными картинами девушек. Здесь были профиль Нефертити, портреты восточных и русских девушек, изображения женщин в национальных костюмах, с кувшинами, цветами, свечами и даже с прялкой и веретеном.

Он пригласил ее в комнату, и при мерцающем свете абажура, который отражался в чеканных панно, ей стало казаться, что она в прекрасном дворце с золотыми стенами. Бокал ледяного шампанского привел ее в состояние блаженства и восторга, и она отдала Игорю всю себя без колебаний и сомнений.

Москва, ноябрь 1978 года

7 ноября 1978 года состоялось празднование 61-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На Красной площади в Москве прошел военный парад, а затем праздничная демонстрация. Игорь Веснин вел колонну демонстрантов из студентов и аспирантов МГИМО. В 8 утра они собрались у здания МИДа на Смоленской площади, распределили портреты членов Политбюро, плакаты, транспаранты, искусственные цветы и надувные шары, построились в колонну и двинулись к Новому Арбату по Садовому кольцу. В пути к ним присоединились другие демонстранты: представители институтов, заводов и фабрик. Все московские предприятия в этот знаменательный день организовывали свою колонну на демонстрацию трудящихся в честь празднования Великой революции. На площади 50-летия Октября многочисленные людские потоки сливались в два основных. Демонстранты с Нового Арбата и улицы Горького проходили на Красную площадь справа от музея Революции (Государственный исторический музей) по Кремлевскому проезду, а демонстранты с Пушкинской улицы (улица Большая Дмитровка) и проспекта Маркса (улица Охотный ряд) вступали на Красную площадь через Исторический проезд (в 1993 году на месте Исторического проезда восстановили Воскресенские ворота). Под звучащие из динамиков революционные песни коммунисты, комсомольцы и беспартийные «широкой рекой» шли мимо Мавзолея Ленина, с трибуны которого их приветствовали руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Владимир Васильевич Старыгин был куратором Игоря от Комитета Государственной безопасности. Два-три раза в месяц Игорь писал для него отчеты о проведенных встречах и о нелояльных высказываниях сокурсников и сослуживцев. На Октябрьской демонстрации они вместе возглавляли колонну МГИМО и в перерывах между выкриками лозунгов и «Ура!» дружески беседовали.

– Когда ты сдашь отчет по комсомольской конференции? Ведь ты там работал с болгарской делегацией? – спросил Владимир Васильевич.

– Закрутился, много работы, завтра напишу.

– Знаю, с кем ты закутился. Нам нужно побеседовать, зайди ко мне после праздников.

Игорь лучезарно улыбнулся Владимиру Васильевичу и сказал, что, конечно, зайдет, а про себя подумал: «Где-то я прокололся, что-то этому гэбисту от меня нужно». Впрочем, он подозревал, что ему нужно. Владимир Васильевич уже целый год сватал его за дочь посла СССР в Болгарии, которой очень хотелось замуж именно за Игоря. Летом после краткого пребывания в Норильске по стройотрядовским делам он провел с ней три восхитительных недели на посольской даче под Бургасом.

Элитная обстановка и обслуживание, море, белый песок и вкусная еда очень нравились Игорю, но он никак не мог смириться с мыслью о предстоящей женитьбе, потому что не любил ее. Он говорил Ольге про свою занятость в Москве и про то, что ему хотелось бы сыграть свадьбу весной перед майскими праздниками, когда в Болгарии расцветут сирень, тюльпаны и миндаль. Влюбленная в него Ольга готова была ждать, но ее папе это очень не нравилось, и он позвонил Владимиру Васильевичу.

Не желая нагнетать обстановку на работе, Игорь решил какое-то время не встречаться с Литой. Он позвонил ей и очень ласково сообщил о том, что его снова командироват в Норильск по работе и что он будет очень скучать.

День советской милиции был важным праздником для Владимира Васильевича – он всегда отмечал его с сослуживцами, ходил на концерт во Дворец съездов с женой и потом еще праздновал еще с друзьями-однокурсниками по Высшей школе КГБ. Игорь знал это и планировал встречу на 14 ноября во вторник.

Ровно в 10 часов в белоснежной рубашке, темно-сером костюме с безликим дежурным галстуком Игорь предстал перед Владимиром Васильевичем. В кожаном портфеле у него был отчет о проведенной работе с болгарской делегацией на комсомольской конференции. После десятиминутного разговора о текущих задачах работы Игоря в МГИМО Владимир Васильевич, наконец, подошел к сути встречи.

– Ты когда планируешь свадьбу?

– Мы договорились с Ольгой в конце апреля. Она хочет букет из сирени, тюльпанов и цветущего миндаля.

– Я не знаю, какой букет она хочет, но папе все это очень не нравится. Вы открыто с ней жили на посольской даче. Конечно, людей там было немного. Там отдыхал мой друг, советник посла по культуре, с женой, который, я уверен, будет молчать, но обслуга – куда от нее скроешься. По посольству поползли слухи, у нас ведь не очень приветствуются такие свободные отношения.

– Владимир Васильевич, я тоже не приветствую эти отношения до бракосочетания. Но сначала вы меня послали в Болгарию с поручениями, потом Ольга настояла на том, чтобы мы отдохнули на посольской даче. Ну как в таких условиях без отношений, я же не монах, да и она не девственница.

– Посол недоволен, прошу тебя вылететь в Софию и решить все вопросы без сирени и миндаля. С консулом мы договоримся, испытательный срок для регистрации брака – это в Москве, а там все консул обеспечит. Решишь все вопросы, побудешь там две или три недели и вернешься в Москву. Ей еще полтора года учиться: папа сказал мне, что она ни за что не хочет прерывать учебу в Софийском медицинском университете. Хочет получить высшее образование в Болгарии.

– Хорошо, я позвоню Ольге и спрошу про букет. Она так хотела...

– Не валяй дурака! – в голосе Владимира Васильевича послышался металл. – Ты что думаешь, мы здесь зря хлеб едим. Я все знаю про твою новую пассию. А вот ты все ли о ней знаешь? Ее отец был репрессирован по «Ленинградскому делу», она даже родилась в поселении где-то в Тюменской области. О ее матери вообще ничего не известно, тоже, наверное, из ссыльных. Так что решай: или едешь в Болгарию, или по распределению в Норильск на три года. И в Норильск, конечно, можешь поехать со своей молодой подружкой, но только сначала спроси: хочет ли она из Москвы вернуться к истокам?

Игорь молчал: он предполагал, что о его романе станет известно куратору, и поэтому был готов к подобному разговору. Но информация об ее отце ему не понравилась. «Да, эти отношения могут стать для меня роковыми. Если ее отец был завязан в политике, да еще и по «Ленинградскому делу», то это мне волчий билет на всю жизнь».

– Владимир Васильевич, я сегодня же позвоню Ольге и предложу отпраздновать нашу свадьбу с хризантемами. Я думаю, что она не откажется. Готовьте мне командировку.

И они перешли к обсуждению предстоящего празднования 101-й годовщины освобождения Болгарии от Османского ига.

Когда они исчерпали все вопросы, Игорь попросил:

– Владимир Васильевич, окажите мне услугу. Мне сейчас собираться в командировку – времени совсем нет. Сходите к ней в институт, побеседуйте. Скажите, что вы направили меня в длительную командировку и что позвонить я ей не смогу.

– Не волнуйся, все сделаю в лучшем виде, – ответил Владимир Васильевич и подумал о том, что неплохо было бы сегодня попробовать десятилетний армянский коньяк, который ему подарили сослуживцы из Еревана на день милиции.

Москва, январь 1979 года

Заканчивался ледяной декабрь 1978 года. Каждый день температура в Москве понижалась на несколько градусов. Сначала было минус двадцать, потом минус двадцать пять, потом минус тридцать, а в ночь на 1 января синоптики объявили, что температура по области опустится до минус сорока двух градусов.

Москва замерзала, особенно страдали новые районы. Во многих домах система отопления не выдерживала и трубы батарей полопались. Стойкие к трудностям москвичи в ночь Нового года, чтобы согреться, разводили во дворах костры и сжигали все, что могли, а чаще всего — деревянные ящики, которые валялись в большом количестве около овощных и продовольственных магазинов.

Анну Александровну и Литу в эту ночь спасли газовая плита и колонка. Чугунные батареи начала 20 века выдержали морозы и не лопнули, но были чуть теплыми. Температура в комнате ночью опустилась до 10 градусов тепла, они зажгли все четыре конфорки газовой плиты и сидели до утра на кухне. Недалеко от их дома прорвало теплотрассу, и на пересечении улицы Неждановой с улицей Герцена поднимался водяной горячий туман. Ремонтники приехали утром, кое-как залатали пробойну, и в квартире стало теплее – целых 18 градусов.

Наступило первое холодное утро 1979 года, в Москве потеплело: температура поднялась до минус 32 градусов.

По традиции 1 января они пошли в храм к обедне и поставили свечи за здоровье и за упокой близких. А потом Лита засела за учебники, потому что 3 января у нее был первый экзамен зимней сессии – научный коммунизм.

Игорь не звонил с ноября. Сначала она ждала, потом злилась на него, а когда он не поздравил ее с Новым Годом, стала думать, что с ним что-то случилось. После обеда 31 декабря она поехала на Полежаевскую к его дому, но окна его квартиры были темными и безжизненными.

Она не знала, что Игорь был в теплой Софии и встречал Новый год со своей молодой женой Ольгой на модном горнолыжном курорте Боровец среди вековых сосен Рильских гор.

В Москве стало теплеть, и к 25 января температура поднялась до -5 градусов. Зимняя сессия заканчивалась, и Лите остался последний экзамен – английский язык. Это был ее любимый предмет, и она почти не готовилась. Чтобы как-то себя занять, она расшивала в технике ришелье свадебное постельное белье – две наволочки и огромный белый пододеяльник. «Он скоро вернется, мы поженимся, и как хорошо нам будет вместе под этим моим пододеяльником. Господи, когда же он позвонит?» – думала она.

После экзамена к ней подошла секретарь декана и многозначительно сказала: «Пожалуйста, зайдите в деканат. С вами хотят поговорить».

«Господи, это Игорь, это от него», – подумала она и побежала на четвертый этаж к приемной декана. Дверь в кабинет была открыта, а за столом декана восседал Владимир Васильевич.

– Меня просили зайти в деканат, – начала Лита.

– Да, проходите, пожалуйста, это же я вас пригласил, – с этими словами Владимир Васильевич вскочил из-за стола и подставил ей кресло.

– Ведь вы Секлетея Красицкая? Какое красивое и редкое имя! Пожалуйста, садитесь. Я очень рад нашей встрече.

Она присела на краешек кресла и стала ждать, что он ей скажет. Владимир Васильевич невольно залюбовался прекрасной раскрасневшейся девушкой, с распущенными пепельными волосами и огромными серыми глазами. «Какая красавица! – подумал он. – Как ему повезло, этому Игорю. И почему его все женщины так любят?!» Владимир Васильевич украдкой вздох-

нул и с сожалением подумал, что у него никогда не было, да и, наверное, уже никогда не будет такой девушки.

– Меня зовут Владимир Васильевич, я начальник Игоря и его научный руководитель в аспирантуре. Он просил меня встретиться с вами и переговорить. Он мне рассказывал о вас и вашем романе, – Владимир Васильевич взял паузу. Не в первый раз он решал подобные вопросы и уже выработал определенную технологию разруливания деликатных ситуаций. Он привык, что девушки взволнованно вскрикивали: «Что с ним? Он жив?», а Владимир Васильевич их успокаивал и рассказывал про важную для страны работу и длительную командировку их кумира.

Но пауза затянулась, а Лита холодно и как-то отстраненно смотрела на него. И он решил ее не жалеть и не успокаивать.

– Игорь просил передать вам, что больше не может с вами встречаться. Он только что женился на прекрасной девушке Ольге, и у них медовый месяц. То, что было между Вами, – это мимолетная страсть. А свою жену он любит, с ней у него на всю жизнь. Он желает вам счастья и всяческого благополучия.

Лита встала и натянуто улыбнулась:

– Большое вам спасибо, что вы нашли время встретиться со мной. Передайте, пожалуйста, Игорю, что я ему за все благодарна. Я очень рада, что он здоров и счастлив.

Владимир Васильевич похолодел: она не плакала, не жаловалась, она благодарила! Такое в его жизни было впервые. «Да, что-то неведомое мне есть в этой девушке. Какое самообладание!» И, так как она уже направилась к выходу, он достал из-под стола букет темно-бордовых ранних армянских роз, которые ему привезли утром с ереванского самолета, и протянул ей:

– Это вам. Он вам просил передать.

– Большое вам спасибо, – сказала она, сжала букет обеими руками и расцарапала себе ладонь колючими шипами.

Хлынула кровь, и он, ругая себя за то, что не срезал шипы, спешно достал платок и протянул ей. Несколько капель крови упало на платок, и при виде крови она побледнела, инстинктивно протянула ему букет и схватилась за край стола. Он еле успел подхватить ее, усадил ее на стул, аккуратно положил рядом цветы и побежал за секретаршей.

– Вызывайте скорую: вашей студентке вдруг стало плохо. Она, наверное, перезанималась. Нельзя так девушек загружать, – запричитал Владимир Васильевич.

Секретарша побежала в медпункт за нашатырем, и, когда они вместе с Владимиром Васильевичем привели ее в чувство, он засобирился на срочную и важную работу.

– Скорая будет с минуты на минуту, а мне нужно на службу. Я вам позвоню позднее и справлюсь о ней.

Через полчаса приехала скорая. Молодой врач-ординатор взял ее под руки и спросил:

– Вы можете идти? У вас очень низкое давление, и я повезу вас в больницу.

Услышав в ответ тихое «да», он попросил секретаршу проводить их до машины. Та подхватила букет и вещи Литы и пошла за ними к машине скорой помощи. Врач бережно положил ее на носилки, взял вещи и букет и сказал секретарше:

– Я везу ее в Склифосовского. Через какое-то время сможете ее навестить.

Анна Александровна приехала в больницу поздно вечером и добилась встречи с дежурным врачом. «У нее ничего страшного, было очень низкое давление, но мы сделали укол, и она сейчас спит. У нее было такое раньше? – и, получив отрицательный ответ, врач продолжал: – Мы ее завтра после утреннего обхода выпишем, а вы проверьте ее у гинеколога. Я думаю, что она беременна».

Москва, лето 1979 года

Лето 1979 года выдалось дождливым. Но они не поехали на юг, потому что в конце июля – начале августа Лита должна была родить. Она приняла новость о беременности с радостью, потому что в ней жил его ребенок.

Анна Александровна была очень деликатна: ни о чем не спрашивала и ждала, пока она сама ей что-то расскажет. А Лита молчала, усиленно занималась и готовилась к летней сессии, которую сдала на одни пятерки. Врачи сказали, что ей нужно гулять, и она каждый день гуляла по старой Москве, выбирая все новые маршруты.

В институте на нее косились, шептались за спиной, но, так как она помогала многим в группе с рефератами и переводами, ее не чурались и по-прежнему приглашали на дни рождения и вечеринки. Многие ее сокурсницы многозначительно повторяли слова своих мам: «Какая она неумная и непрактичная девушка! С ее красотой и талантом можно было многого достичь! Какая глупость – рожать ребенка неизвестно от кого!»

Лита никому не рассказывала об Игоре, даже своей близкой подруге Марине Присяжнюк, как будто она ждала ребенка от Святого Духа.

Однажды она сказала:

– Мама, ребенок родится в августе. У меня сейчас повышенная стипендия – целых 50 рублей, а у тебя пенсия – 70 рублей. Я буду брать технические переводы, мне на кафедре обещали помочь. Переводами я заработаю еще рублей 20 или 30. Мы как-нибудь проживем. Я не буду брать академический отпуск и сразу же 1 сентября пойду в институт.

Анна Александровна удивилась ее спокойствию и рассудительности и ответила:

– Да, моя дорогая девочка. Конечно, проживем.

И стала готовить приданое новорожденному. Ее подруга отдала им выдавшую виды детскую деревянную кровать и скромную дерматиновую коляску. Анна Александровна все тщательно вымыла хозяйственным мылом и уксусом. Лита связала ребенку два детских комплекта: шапочку, кофточку и пинетки из остатков литовской шерсти и хлопчатобумажных ниток. Лита смотала тонкие нитки в клубки и вязала в четыре сложения, так что получился отличный бирюзовый хлопчатобумажный комплект.

Практичная Анна Александровна накупила в магазине «Лоскут» разных отрезов бязи, ситца и фланели. Магазин торговал невостребованными в специальных магазинах тканей лоскутами разных размеров, как правило, от 80 сантиметров до 1 метра 20 сантиметров по ценам на 40% ниже, так что на три рубля Анна Александровна купила бязь и фланель на пеленки, а сатин – на распашонки и ползунки. А в аптеке на улице Горького она купила 20 метров аптечной марли, которая стоила пять копеек за метр.

И они принялись вечерами шить приданое для ребенка. Лита вышила мулине белую праздничную простынку, а Анна Александровна сшила теплые и холодные пеленки³², распашонки, ползунки, а из марли, сложенной в три слоя, – подгузники.

Однажды в конце июля они вечером пошли гулять в Александровский сад. Лита должна была скоро родить, и Анна Александровна больше не отпускала ее одну. В Александровском саду у липовой аллеи был разбит розарий, вдоль которого стояли деревянные скамейки причудливой парковой формы с чугунными обрамлениями. Нежный аромат белых и желтых роз разносился по парку, а в конце аллеи выделялась великолепная куртина³³ из парковых бордовых роз. Анна Александровна немного устала и хотела предложить Лите присесть на свобод-

³² В советское время детей заворачивали сначала в холодные (из ситца или бязи), а потом в теплые (из фланели) пеленки. В летнее время – только в холодные.

³³ Цветочная грядка, клумба.

ную скамейку, но не успела. Девушка сильно побледнела и, едва успев дойти до скамейки, упала в глубокий обморок³⁴.

Собрались прохожие, кто-то побежал к телефону-автомату звонить в скорую. Через 30 минут приехала машина скорой помощи, врач бегом осмотрел Литу и сказал: «Нужно вести в роддом. Будет лучше, если ее положат на сохранение. У вас есть какие-то документы?»

Документов с собой не было, но Анна Александровна решила, что лучше Лите побыть в роддоме перед родами. Она дала согласие на ее госпитализацию, а сама поехала домой за документами.

В приемном отделении роддома было несколько рожениц. Молодой врач осмотрел Литу: он очень внимательно слушал сердце ребенка и не услышал ничего. Испугавшись, врач побежал к старшей акушерке, которая спокойно взяла трубку, приложила к Литиному животу и многозначительно сказала: «Ну что вы паникуете? Вот оно маленькое сердечко тихо бьется. Вы уже мамашу напугали».

– Женщина, переодевайтесь. Вот вам рубашка и халат, – обратилась акушерка к Лите и протянула ей выдавшую виды застиранную рубашку и серый халат на завязках.

Лита не отзывалась: она смотрела по сторонам и искала женщину, к которой обращается акушерка. Молодой врач, оценив Литину юность, сказал:

– Девушка, вам нужно переодеться в больничную одежду. Здесь такие правила.

Но тут влетела Анна Александровна, предъявила Литин паспорт и справку об анализах на инфекционные заболевания и, умоляюще взглянув на акушерку, сказала:

– Можно домашнюю рубашку и халат?

Акушерка посмотрела на серую рубашку и потрепанный халат и сказала:

– Рубашку можно, но халат берите больничный, потому что если халат будет Ваш, то он будет выделяться и мне попадет, а рубашку под халатом никто не заметит.

Анна Александровна еще успела передать Лите роман Джорджа Голсуорси «Сага о Форсайтах», а точнее его пятую часть «Белая Обезьяна», которую ей задали по английской литературе на лето.

В домашней кружевной рубашке, сером больничном халате с хлипкими завязками и в домашних тапочках, которые ей тоже разрешили, Лита вошла в огромную больничную палату, где было не меньше 20-ти кроватей. Все женщины здесь лежали на сохранении, а некоторые из них, как и Лита, ожидали роды. Медсестра принесла мензурку с вечерними таблетками, Лита выпила лекарства и погрузилась в жизнь буржуазного английского общества начала 20 века.

Через пять дней вечером она почувствовала боль. «Началось», – подумала она и пошла на пост к дежурной медсестре. Та бегом ее осмотрела и многозначительно сказала:

– Еще рано: дня два или три.

– Но мне так больно, – прошептала Лита.

– Терпи, моя дорогая, – сказала медсестра, – если будет хуже – позови.

Всю ночь Лита не спала, а на утро она пожаловалась на боли дежурному врачу, который совершал регулярный обход. Тот сделал ей укол снотворного и ушел. Лита проснулась только к вечеру и почувствовала, что вся горит. Медсестра измерила температуру и побежала за врачом, который, глядя поверх Литы, произнес: «Если температура, то нужно ее переводить в инфекционную. Я отвечать не буду, если она нам здесь всех перезаразит».

Литу повели к грузовому лифту, который доставил ее в инфекционное отделение. Там ее разместили в отдельном боксе, потому что в основной палате лежали роженицы без анализов на сифилис и гонорею и те, которых подобрали на улице. Пожилая акушерка, мимоходом проходя мимо Литино бокса, сказала: «Ну почему все они хотят рожать ночью? А мы ночью хотим спать!» – и медсестра сделала ей еще один укол снотворного.

³⁴ Обморок, который сопровождается потерей сознания.

В утренний обход пришел новый врач, а с ним группа студентов – негров, или, как их сейчас называют – афроамериканцев. Студенты с любопытством смотрели на Литу, а врач что-то рассказывал. Потом он вдруг спросил, как долго у нее продолжаются схватки. Медсестра сказала, что не знает и что вечером ее спустили из «патологии» с температурой. И врач постановил делать стимуляцию. Они кололи ее в живот стимуляторами через каждые пятнадцать минут, а через полтора часа медсестра пришла и сказала: «Пойдем в «родовую», вставай, сама пойдешь». Лита оперлась на медсестру и еле добрела до «родовой». Там уже были студенты и врач, который приказал ей лечь на стол. Затем он показал ей скальпель и очень внятно сказал: «Тужься, дорогая. У тебя 20 минут. Если ребенок начнет задыхаться, то я буду резать по живому. Квота на заморозку на сегодня уже закончилась».

Лита все поняла, она тужилась изо всех сил. Пришла старая акушерка, которая пожалела ее. Она легла ей на живот и стала подталкивать ребенка. Наконец врач принял новорожденного и стал его взвешивать.

– Какой богатырь: 4 килограмма и 200 граммов», – сказал врач и надел на ребенка четыре бирки с фамилией, именем и отчеством матери на ручки и ножки и поднес ребенка к лицу Литы. – Мамочка, кто у вас?

Так как Лита молчала, он стал трясти ребенка перед ее лицом и повторять:

– Скажите, кто у вас!

И когда Лита сказала, что родился мальчик, врач отдал ребенка медсестре, которая плотно запеленала его в серые больничные пеленки и унесла.

Литу перенесли на каталку, накрыли темно-серым больничным одеялом и вывезли из «родовой» в коридор. Там она лежала еще три часа, и каждый проходящий мимо врач со словами «не спать, не спать» легонько шлепал ее по щекам. И только студент-негр сказал ей о том, что роды были тяжелыми и что ей нельзя спать, пока они не убедятся в том, что нет кровотечения.

Потом ее отвезли в инфекционную палату рожениц, где она лежала вместе с татаркой, которую сняли с поезда, и нерадивой студенткой, у которой не было инфекционных анализов.

Утром она получила гладиолусы и письмо от Анны Александровны, в котором она поздравляла ее с рождением сына и писала: «Это будет ребенок 21 века, нового тысячелетия. Я желаю Вам счастья».

«Да, мы с сыном будем счастливы, – подумала Секлетя. – Я назову его Владимиром в честь своего отца».

Москва 1979 – 1980 годы

Литу выписали на девятый день, потому что она поступила из «патологии» и по советским медицинским стандартам роды считались тяжелыми. При нормально протекающих родах в СССР выписывали на 6-7 день.

Анна Александровна с цветами ждала ее и малыша у роддома. На такси они приехали домой, и маленький Владимир оказался в квартире, где 63 года назад был рожден его дед. Лита покормила его и с наслаждением легла на свежую вышитую простынь и наволочку, накрылась легким одеялом, обернутым в льняной прохладный пододеяльник. Она сразу уснула, а абсолютно счастливая Анна Александровна еще долго сидела у детской кроватки и вглядывалась в черты младенца. Наконец, она решила, что ребенок похож на своего деда Владимира Крашицкого.

Утром пришла медицинская сестра и, глядя на Владимира, с восхищением сказала: «Какой богатырь! И уже пытается держать голову! Вы должны заниматься с ним гимнастикой, мамаша», – и легким движением руки она повернула его за ножку на животик, а малыш в ответ на несколько секунд поднял голову. Потом она приставила ладони к его ступням, и малыш стал отталкиваться от опоры и немного прополз. «Удивительно сильный мальчик, – сказала медсестра. – Кормите его каждые три с половиной часа, а если он будет просыпаться кормление, не будите. У вас все нормально с грудным молоком? Пейте шесть раз в день сладкий чай с молоком, спите побольше и через день начинайте с ребенком гулять. Я приду через неделю».

Лита по совету медсестры повесила над кроваткой детскую погремушку, и, когда малыш просыпался, он подолгу ее рассматривал. Анна Александровна пыталась понять, какого цвета у него глаза, но не могла, потому что они напоминали растворенную черную или темно-серую акварель. Через две недели ребенок уверенно держал голову и полз, когда его переворачивали на живот и приставляли к ступням руки. Плакал он редко и главным образом, когда просыпал кормление, а проснувшись, возмущался тем, что так голоден.

1 сентября Лита пошла в институт. Так как было уже прохладно, она надела фланелевые брюки и голубую водолазку и была так прекрасна в этом наряде, что поразила и сокурсников, и преподавателей. А когда на английской литературе она уверенно ответила на вопросы по книге Голсуорси «Сага о Форсайтах», сокурсники почувствовали в ней новую, ранее дремавшую, силу и талант. Уже через день она немного снисходительно помогала одногруппникам с переводами и рефератами, за что те писали ей под копирку лекции, на которых она не могла присутствовать, так как кормила малыша.

Режим ее дня был полностью подстроен под ребенка. Они просыпались в семь часов утра, так как Владимир просыпал шестичасовое кормление. Лита кормила его и шла гладить пеленки и подгузники, которые были постираны вечером. Затем она строгала ножом хозяйственное мыло в большой бак, наливала туда теплой воды и клала испачканные пеленки, подгузники, ползунки и распашонки. Этот бак она ставила на газовую плиту и доводила воду до кипения. Потом она тщательно размешивала белье деревянной палкой и оставляла его на 3-4 часа остывать.

В 10 часов она сцеживала молоко на одно кормление и уходила в институт ко второй паре. Анна Александровна тщательно прополаскивала белье, а потом кормила ребенка из рожка. Лита возвращалась около трех часов пополудни, и к этому времени Владимир был уже таким голодным, что она сразу же расстегивала блузку и принималась его кормить.

А потом они вместе с Анной Александровной шли с ним гулять на Тверской бульвар. Через две недели медсестра на специальном голубом рецепте прописала Владимиру бесплатный кефир и творог с детской молочной кухни. Но, так как Владимир пил кефир редко и предпочитал грудное молоко, утром они сами съедали бесплатный творог и кефир, которые были

отменного качества. Через месяц после рождения они повели Владимира на первый медицинский осмотр в районную поликлинику; врач взвесила его и сказала, что он поправился на целый килограмм.

В книгах по воспитанию детей Лита прочитала, что раньше шести месяцев ни в коем случае нельзя сажать ребенка, потому что у него от этого могут искривиться кости. И когда Владимир в 3,5 месяца, держась за прутья кровати, сел, она испугалась и положила его на подушку. На следующий день он сел опять и, когда она попыталась опять его положить, стал кряхтеть и возмущаться, и она оставила эти попытки. А к шести месяцам они опустили матрац на кровати, так как ребенок уверенно начал вставать.

В 9 месяцев ребенок пошел, а в 10 месяцев – принес Лите на кухню из коридора трехкилограммовый мешок с картошкой и со словами: «Мама, на!» – протянул ей. «У нас растет настоящий мужчина», – с улыбкой сказала Анна Александровна.

В марте 1980 года Лита экстерном окончила специализированные курсы, сдала экзамены на одни пятерки, и ее приняли на работу в группу переводчиков английского языка Олимпиады-80. Занятия в институте в этот важный для СССР год завершались к 15 мая, и все студенты поступали на работу строителями, уборщиками, горничными, продавцами и разнорабочими на объекты Олимпиады. Лита попала в самый привилегированный отряд студентов: ее зачислили переводчиком при открывшейся к Олимпиаде московской гостинице «Космос».

Москва, Олимпиада 80

Максим Викторович Овчаров, 42-летний профессор Московского института электронного машиностроения, был командирован в гостиницу «Космос» для руководства студентами на период подготовки и проведения Олимпиады. В его производственном отряде сервиса МИЭМ было 30 человек: 10 юношей и 20 девушек. Они отвечали за обустройство и уборку номеров гостиницы, а потом – за размещение и обслуживание гостей из Великобритании, Бельгии, Голландии, ФРГ, Франции и Швейцарии.

Максим Викторович был потомственным ученым. Его родители преподавали в Казанском авиационном институте, и сам он в прошлом был выпускником, а затем и аспирантом КАИ. После защиты кандидатской диссертации Максим Викторович задумался о переезде в Москву. Он был давно и несчастливо женат на дочери друзей матери, у него в семье подрастал сын.

В 1970 году началось строительство города-спутника Москвы – Зеленограда, в котором создавались новые институты в области автоматики и вычислительной техники. Специалистов этого профиля в СССР было мало, и практически отсутствовали профессионалы в области элементной базы вычислительных комплексов и компьютеров. Диссертация Максима Викторовича была посвящена вопросам непозиционных вычислений и пороговой логики, так что его компетенция более чем устроила руководителя лаборатории разработки элементной базы перспективного советского компьютера «Электроника-НЦ».

Для размещения молодых ученых в Зеленограде строились целые микрорайоны хрущевки. Домов было так много, что их называли по номерам и объединяли в кварталы. Шло время, в этой части города так и не построили улиц, и Максим Викторович поселился в корпусе 1621 квартала Старое Крюково. Его семье: ему, жене и сыну – дали двухкомнатную хрущевку общей площадью 48 квадратных метров на четвертом этаже пятиэтажного дома без лифта. В квартире было две комнаты, маленькая шестиметровая кухня и совмещенный санузел. Максим Викторович уходил на работу рано утром, возвращался поздно вечером и часто работал по субботам. В воскресенье он старался как-то отдохнуть: зимой ходил на лыжах, а летом и в межсезонье бегал в живописных лесах, которые раскинулись вокруг местной деревни Крюково.

Изредка они с женой ездили в Москву к ее подругам на дни рождения, свадьбы, крестины и другие семейные торжества. Так как машины у них не было, они сначала ехали до центральной усадьбы Зеленограда на местном стареньком автобусе, оттуда на скоростном автобусе по Ленинградскому шоссе до станции метро Речной вокзал и уже на метро добирались до московской квартиры гостеприимных хозяев. На дорогу до центра Москвы уходило два часа и минимум два часа обратно. Вечером автобусы в Зеленоград ходили редко и не по расписанию. Когда они возвращались из гостей, то нередко ждали автобус больше часа. Он приезжал к центральной усадьбе Зеленограда уже за полночь, и так как местный зеленоградский автобус так поздно уже не ходил, то домой добирались пешком, а если были деньги, то на такси.

Максим Викторович разведаль еще одну дорогу в Москву – на электричке от станции Крюково до Ленинградского вокзала. Так называемые местные электрички ходили со всеми остановками и один раз в два часа, а проходящие мимо Крюково электрички дальнего следования из Солнечногорска, Клина или Калинина были всегда переполнены людьми, которые по выходным ездили в Москву за дефицитными продуктами. Максим Викторович с сожалением думал о том, что жизнь проходит мимо: он ничего не видит, кроме своей лаборатории, хрущевки и тесных кварталов Зеленограда.

Однажды к ним в лабораторию приехал молодой аспирант МИЭМ – москвич из богатых, ему нужен был акт внедрения для защиты кандидатской диссертации. Максим Викторович с одного взгляда понял, что диссертация ни о чем и внедрять там нечего, но парень

непростой, чей-то. И он решил с ним подружиться. Парень устроил его на кафедру автоматики и вычислительной техники МИЭМа старшим преподавателем на 0,25 ставки, а Максим Викторович написал подробный отзыв о том, как они создали новый пороговый элемент и для этого использовали материалы из диссертации парня. Так как директор института был очень доволен работой лаборатории Максима Викторовича и они, действительно, успешно испытали новый пороговый элемент советского персонального компьютера «Электроника-НЦ», он не глядя подписал отзыв, а секретарша поставила на его подпись заветную печать, что подтверждало практическую ценность диссертации.

Максим Викторович обзавелся вельветовыми брюками, замшевым пиджаком и стал по субботам ездить на кафедру, читать лекции и проводить лабораторные занятия. Уже через месяц он стал популярен у студентов, которые мечтали после учебы поработать в его лаборатории. Он нравился также и немногочисленным девушкам факультета, которые мечтали совсем о другом: как бы ему понравиться и выйти за него замуж. Сам Максим Викторович также мечтал жениться на молодой красивой девушке, но обязательно с квартирой и перебраться к ней в Москву. Уже через полгода он покинул свою лабораторию, потому что избрался на позицию доцента кафедры автоматики и вычислительной техники Московского института электронного машиностроения. За три года, прошедшие с его избрания, он так и не встретил молодую красивую девушку с квартирой. Было два варианта, но в одном к ней прилагались родители, а другая красивая студентка, которая ему понравилась, и вовсе жила в общежитии.

Между тем Максим Викторович втянулся и полюбил работу на кафедре. Два раза в год он ездил с докладами на научно-практические конференции, которые проходили в Гурзуфе и Риге. А один месяц он проводил во Владивостоке, где читал лекции по архитектуре вычислительных комплексов студентам Дальневосточного университета. Еще в Зеленоградской лаборатории он практически подготовил материалы для защиты докторской диссертации, которую планировал провести в ученом совете Московского инженерно-физического института.

Олимпиада – 80 несколько нарушила его планы. Во-первых, в феврале часть студентов МИЭМа сняли с занятий и отправили на стройки Олимпиады, во-вторых, ввели сокращенный семестр, который должен был закончиться максимум 15 мая. И уже с 16 мая его назначили в производственный отряд сервиса МИЭМ и направили на работу в московскую гостиницу «Космос». «Слава Богу, меня назначили заместителем руководителя отряда. Как хорошо, что я беспартийный³⁵ и могу быть только заместителем». Да, Максим Викторович был на кафедре единственным беспартийным доцентом. Сначала он опасался, что его будут настойчиво приглашать к вступлению в ряды КПСС, как это уже было в Зеленоградской лаборатории. Но потом он понял, что, будучи единственным беспартийным на кафедре, он занимал некоторое уникальное положение «свободного» ученого и был малой частью блока коммунистов и беспартийных МИЭМ. Ведь если все на кафедре будут членами КПСС, то как же тогда сформируется этот важный для страны блок коммунистов и беспартийных, который стоит во главе построения развитого социализма.

³⁵ На кафедрах в советских высших учреждениях было незначительное количество беспартийных преподавателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.